На правахъ рукописи.

ЗНАЧЕНІЕ ФЛОТА

ВЪ РЯДУ ВОЕННЫХЪ СРЕДСТВЪ ГОСУДАРСТВА.

Сообщеніе Полковника **Н. Л. Кладо**

въ Офицерской Стрѣлковой Школѣ.

г. Ораніенбаумъ.
1910.

На правахъ рукописи.

ЗНАЧЕНІЕ ФЛОТА

ВЪ РЯДУ ВОЕННЫХЪ СРЕДСТВЪ ГОСУДАРСТВА.

Сообщеніе Полковника **Н. Л. Кладо**

въ Офицерской Стрѣлковой Школѣ.

г. Ораніенбаумъ.

1910.

Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).

Оглавленіе.

ЗНАЧЕНІЕ ФЛОТА

въ ряду военныхъ средствъ государства.

I. Относительная роль сухопутныхъ и морскихъ средствъ войны при наступленіи и оборонѣ.

Задавшись цѣлью выяснить значеніе для государства морской силы, нельзя говорить о ней одной безъ установленія крѣпкой связи ея съ силой сухопутной.

О морско силѣ мож говориті только в связи с силой сух путной.

Вопросъ объ обладаніи извѣстной территоріей непосредственно рѣшается сухопутной силой.

Только сухопутная сила можетъ вторгнуться въ предѣлы непріятельской территоріи, и только сухопутная сила можетъ преградить путь непріятелю, подошедшему къ нашимъ границамъ и имѣющему намѣреніе ихъ переступить.

Вся жизнь, всѣ интересы государства сосредоточены на сушѣ, такъ какъ только она одна пригодна для жизни и для главнаго пропитанія людей, а потому окончательно и всякій спорный вопросъ, возникающій между людьми, когда они прибѣгаютъ и къ рѣшенію его оружіемъ, рѣшается или прямымъ насиліемъ по отношенію къ той или иной части территоріи государства, или угрозой по отношенію къ извѣстнымъ условіямъ человѣческой жизни въ предѣлахъ извѣстной территоріи.

Вотъ почему непосредственно и окончательно всякій вопросъ, разрѣшаемый съ оружіемъ въ рукахъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ рѣшаетъ сухопутная военная сила. Единственный случай когда дѣло можетъ обойтись совсѣмъ безъ этой силы—это когда воюющія государства не имѣютъ общей сухопутной

границы, и то лишь при нѣкоторыхъ исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся одно или оба государства.

Поэтому весь вопросъ о значеніи для государства морской силы выливается въ изслѣдованіе почти исключительно о томъ—насколько флотъ можетъ способствовать дѣятельности своей арміи и мѣшать дѣятельности арміи противника, и о томъ, что выгоднѣе для государства—увеличивать-ли до посильныхъ для него предѣловъ лишь мощь своей арміи, или распредѣлить эту мощь въ извѣстной комбинаціи между сухопутной и морской силой.

Неизмѣнное условіе истиннаго могущества военной силы—это взаимное пониманіе и взаимное довѣріе между всѣми отраслями этой силы.

Очевидно въ основѣ этого изслѣдованія должно лежать ясное представленіе, во первыхъ, о томъ—какія задачи возлагаются на военную силу государства, и, во-вторыхъ, о томъ—въ какой мѣрѣ, сообразно своимъ особенностямъ и присущей имъ обстановкѣ, могутъ содѣйствовать выполненію этихъ задачъ различныя отрасли этой военной силы.

Задача военной силы—быть въ готовности, когда обстоятельства того потребуютъ, содѣйствовать силой оружія достиженію задачъ внѣшней политики государства и противодѣйствовать таковымъ-же задачамъ его противниковъ. Для этого, въ зависимости отъ обстановки, военная сила или вторгается въ предѣлы противника, или противодѣйствуетъ вторженію противника, или мѣшаетъ проявленію извѣстныхъ сторонъ дѣятельности гражданъ непріятельскаго государства, или защищаетъ свободное проявленіе извѣстныхъ сторонъ дѣятельности своихъ гражданъ.

Но для того чтобы получить ясное представленіе, въ какой мѣрѣ можетъ содѣйствовать выполненію этихъ задачъ та или иная отрасль военной силы, необходимо ознакомиться съ ея сущностью, съ ея особенностями, съ той обстановкой, въ которой ей приходится дѣйствовать, съ тѣми средствами, которыя ей присущи.

И это знакомство необходимо не только какимъ-то высшимъ органамъ государственной и военной власти, чтобы рѣшить, какъ должны быть скомбинированы различныя отрасли военной силы, чтобы придать ей, въ посильныхъ для государства предѣлахъ денежныхъ ассигнованій, наибольшую мощь.

Это знакомство столь-же необходимо на всѣхъ іерархическихъ ступеняхъ любой отрасли военнаго дѣла, такъ какъ только ясное пониманіе личнымъ составомъ одной отрасли военнаго дѣла сущностей, особенностей и возможностей всѣхъ остальныхъ, установитъ необходимое для дружнаго содѣйствія общему дѣлу взаимное довѣріе и взаимное пониманіе, именно, оно выяснитъ—чего можно ожидать и требовать, сообразно обстановкѣ, отъ частей другой отрасли, и какимъ именно образомъ лучше всего ей помогать своими собственными дѣйствіями.

Вотъ почему, при правильной постановкѣ военнаго образованія, морской офицеръ обязанъ имѣть ясное представленіе о сущности различныхъ отраслей военно-сухопутнаго дѣла, а сухопутный офицеръ не можетъ обойтись безъ пониманія сущности военно-морского дѣла.

Съ сущностью различныхъ отраслей военнаго дѣла долженъ быть въ общемъ знакомъ и всякій гражданинъ, чтобы понимать—чѣмъ та или иная отрасль служитъ государству, чтобы сознательно и съ уваженіемъ относиться къ тому дѣлу, которое онѣ дѣлаютъ.

Въ че
сходс
различ
отрас
военной
и чѣмъ,
нымъ с
зомъ, в
ваются
разли

По тѣмъ основамъ, которыя направляютъ дѣятельность различныхъ отраслей военной силы, онѣ всѣ совершенно сходны между собою.

Общая ихъ задача—сломить сопротивленіе соотвѣтственной военной силы противника, и при преслѣдованіи этой задачи всѣ онѣ руководствуются общими принципами веденія войны и боя. Будетъ-ли военная сила дѣйствовать на сушѣ, на водѣ, или въ воздухѣ, она будетъ достигать поставленныхъ себѣ цѣлей по-

средствомъ сосредоточенія силъ, взаимной поддержки, внезапности, подставленія своей сильной стороны и уклоненія слабой и т. п. Точно также, внѣ зависимости отъ той стихіи, въ которой дѣйствуетъ военная сила, успѣхъ ея, главнымъ образомъ, будетъ зависѣть отъ качествъ и степени обученія личнаго состава, т. е. отъ духовнаго ея элемента; одинаково важное значеніе будетъ имѣть искусство руководительства, наступленіе всегда будетъ стоять выше обороны и т. п. Но когда является вопросъ о способахъ и средствахъ, посредствомъ которыхъ та или иная отрасль военной силы будетъ осуществлять эти намѣренія, то здѣсь ужъ все будетъ зависѣть отъ обстановки, главной данной которой явится та стихія—суша, вода или воздухъ,—въ которой дѣйствуетъ военная сила.

Вліяніе ...тихіи, въ ...торой приходится ...йствовать ...нной силѣ, ...созданіе ...бенностей ...зличныхъ отраслей.

Поэтому изслѣдованіе объ относительной роли различныхъ отраслей военной силы приходится начать съ того вліянія, которое оказываетъ стихія, въ которой приходится дѣйствовать этой отрасли, на созданіе ея отличительныхъ особенностей, боевыхъ средствъ и способовъ ихъ примѣненія.

Изъ тѣхъ двухъ стихій, на которыхъ теперь можетъ дѣйствовать военная сила и третьей, въ которой ей неизбѣжно предстоитъ дѣйствовать въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, только суша представляетъ естественную для человѣка среду, которая сама по себѣ не грозитъ ему опасностями, въ которой онъ свободно можетъ держаться и передвигаться самъ, безъ помощи какихъ либо механическихъ средствъ. Это совершенно ему недоступно въ воздухѣ, и почти недоступно въ водѣ. Будучи предоставленъ самому себѣ въ этихъ стихіяхъ, онъ въ томъ и другомъ случаѣ погибаетъ, въ первомъ случаѣ—падая на дно воздушной стихіи—на землю, во второмъ—погружаясь въ водяную стихію. Поэтому, какъ на воздухѣ, такъ и на водѣ, люди должны группами быть заключены въ особыя сооруженія—коробки—корабли, снабженные особыми механическими

приспособленіями для того, чтобы свободно передвигаться въ воздухѣ и по водѣ, и чтобы въ воздухѣ—не падать на землю, а на водѣ—погружаться въ нее лишь до безопасныхъ для заключенныхъ въ этой коробкѣ людей предѣловъ.

А разъ является надобность въ такомъ сооруженіи—кораблѣ, это сооруженіе въ массѣ тѣмъ экономичнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ смыслѣ матеріальныхъ затратъ, такъ и числа необходимыхъ для управленія ими людей, чѣмъ оно больше. Вотъ почему, насколько только это допускаетъ техника, всѣ корабли, какъ надводные, такъ и подводные, такъ и воздушные стремятся къ увеличенію своего объема, какъ увеличиваются и дома, такъ какъ шестиэтажный домъ выгоднѣе двухъ трехъ этажныхъ, ибо, помимо стоимости земли, сберегается и на матеріалѣ для постройки (одна крыша и фундаментъ вмѣсто двухъ), и на стоимости работъ и надзора за ними, и на всѣхъ домовыхъ устройствахъ, и на личномъ составѣ для его обслуживанія.

Вслѣдствіе опасности для людей, заключенныхъ въ кораблѣ, окружающей корабль стихіи, всѣ усилія техники приложены къ тому, чтобы сдѣлать корабль и его движитель по возможности неуязвимымъ и живучимъ, т. е. способнымъ и при значительныхъ поврежденіяхъ выполнять свое назначеніе—поддерживать и передвигать людей въ чуждой имъ стихіи. Это тоже достигается тѣмъ лучше и тѣмъ экономичнѣе, чѣмъ больше объемъ корабля. На морѣ для этого пользуются огромною поддерживающей силой воды, которая сообщаетъ кораблямъ огромную грузоподъемность. Она позволяетъ снабдить корабль сильной машиной, которая сообщаетъ ему большую скорость и даетъ ему такой запасъ топлива, который позволяетъ ему проходить значительныя разстоянія; благодаря ей, корабль можетъ носить огромный вѣсъ своей брони, артиллеріи и запасовъ.

Вслѣдствіе малой плотности воздуха, грузоподъемная сила воздушныхъ кораблей очень незначительна, но

за то именно эта малая плотность среды позволяетъ достигать огромныхъ скоростей, которыя далеко оставили за собою скорости достигнутыя на водѣ, не смотря на то, что воздушные корабли находятся только въ первоначальной стадіи своего развитія.

Однако эта грузоподъемная сила непремѣнно понадобится и воздушнымъ кораблямъ, когда они войдутъ въ число боевыхъ средствъ. Тогда понадобится дать защиту и корпусу и движителю воздушнаго корабля, и находящимся на немъ людямъ и оружію. Какимъ путемъ это будетъ достигнуто—теперь, конечно, сказать трудно, но что это непремѣнно будетъ достигнуто—едва-ли кто рѣшится это отрицать. Разъ человѣкъ сумѣлъ отдѣлиться отъ земли безъ помощи газа, болѣе легкаго чѣмъ воздухъ, онъ съумѣетъ поднять на воздухъ и любую тяжесть, и сумѣетъ держаться въ воздухѣ продолжительное время. Разъ это дѣлаютъ птицы и насѣкомыя, и разъ человѣкъ уловилъ идею—какъ они это дѣлаютъ,—онъ, вооруженный могуществомъ техники, развитію которой не предвидится конца, не только отъ нихъ не отстанетъ, но и превзойдетъ, какъ уже удалось ему это сдѣлать на сушѣ и на водѣ.

:обенности ухопутной силы.

Однако, хотя на сушѣ человѣкъ находится въ болѣе естественной для него обстановкѣ, чѣмъ на водѣ или въ воздухѣ, хотя тутъ онъ можетъ свободно передвигаться, и не нуждается въ сооруженіяхъ, подобныхъ кораблямъ, и въ значительной мѣрѣ меньше зависитъ отъ всевозможныхъ техническихъ приспособленій, но сухопутная обстановка съ своей стороны стѣсняетъ его дѣятельность совершенно иначе.

На полѣ сраженія человѣкъ можетъ передвигаться самъ, и передвигать свои средства борьбы и боевые припасы, только съ помощью своей собственной силы и силы лошади, а сила и выносливость человѣка ограничены, а потому скорость и продолжительность передвиженія частей сухопутной силы очень незначительны. Всякое примѣненіе механическаго способа

передвиженія возможно только по дорогамъ, часто очень кружнымъ на полѣ сраженія. Кромѣ того всякія дороги, по которымъ, главнымъ образомъ, могутъ двигаться только и люди и лошади, имѣютъ ограниченную пропускную способность. Стратегическія передвиженія хотя и производятся по желѣзнымъ дорогамъ, но и ихъ пропускная способность тоже ограничена, а вслѣдствіе того, что дороги—это сооруженія искуственныя, онѣ подвержены разрушенію и требуютъ тщательной охраны. Естественныя условія позицій и искусственныя на нихъ приспособленія играютъ огромную роль въ сухопутномъ бою. Вслѣдствіе трудности примѣненія техники для передвиженія по полю сраженія вообще, а крупныхъ тяжестей въ особенности, оружіе и боевые припасы распыляются на сухомъ пути на мелкія части и распредѣляются между массой людей, лошадей и повозокъ.

На морѣ сила и ея ресурсы сконцентрированы въ маломъ числѣ, уже не раздѣляющихся на части, боевыхъ единицъ. На сухомъ пути эти элементы распылены. Изъ-за этого въ сухопутной войнѣ сила лежитъ въ массѣ людей, а отсюда вытекаетъ необходимость огромнаго количества продовольствія. Поэтому заботы о продовольствіи, подвозъ котораго стѣсненъ все тѣми-же неудобствами путей сообщенія на сушѣ, тяжелымъ камнемъ давятъ на всѣ соображенія сухопутныхъ стратеговъ.

Вотъ къ чему приводитъ сухопутную силу вліяніе „мѣстности“. Благодаря именно „мѣстности“ и обширности полей сраженія, которыя являются въ концѣ концовъ послѣдствіемъ той-же „мѣстности“, высшіе начальники во время боя не видятъ огромнаго большинства своихъ войскъ, а тѣ въ свою очередь не видятъ высшихъ начальниковъ. Защита сухопутной силы также опредѣляется „мѣстностью“.

Особе мор си

На морѣ все это обстоитъ совершенно иначе. Сила передвиженія на морѣ—внѣ людей, и находится въ распоряженіи сравнительно небольшого количества на-

чальниковъ—командировъ кораблей. Механическій двигатель способенъ работать непрерывно, въ продолженіе очень долгаго времени, и сила его очень велика. Поэтому корабли могутъ носить сравнительно небольшое число средствъ разрушенія, но за то—огромной силы. Также они носятъ съ собою и защиту—броню и различныя другія защитныя приспособленія, боевые припасы и топливо.

Людей для управленія боевыми средствами морской войны, вслѣдстіе возможности широкаго примѣненія техники, нужно, сравнительно, очень мало. Продовольственный вопросъ играетъ, сравнительно, ничтожную роль—самъ корабль можетъ поднять продовольствіе для своего личнаго состава на долгое время. Кромѣ того, при флотѣ могутъ состоятъ транспорты, нагруженные всевозможными припасами, и транспорты эти могутъ передвигаться одновременно съ флотомъ, не загромождая ему дороги, такъ какъ въ морѣ въ противоположность обстановкѣ на сушѣ—малъ или великъ флотъ, онъ можетъ передвигаться одновременно, и съ несравненно большими скоростями, чѣмъ сухопутная сила. Пропускная способность морскихъ путей въ открытомъ морѣ не ограничена, и на нихъ нѣтъ искусственныхъ сооруженій, которыя можно разрушить и которыя надо охранять. Пути по морю идутъ по любымъ направленіямъ, и корабли не оставляютъ послѣ себя слѣдовъ. Самый большой флотъ со всѣми своими транспортами можетъ помѣститься на очень небольшомъ пространствѣ, напримѣръ, въ одномъ порту, тогда какъ армія занимаетъ обширные раіоны, и для своего передвиженія требуетъ широкихъ полосъ земли. Изъ-за того, что море не имѣетъ складокъ, и пространства боя на морѣ значительно меньше чѣмъ на сушѣ, высшіе начальники видятъ весь свой флотъ, и, въ свою очередь, весь флотъ можетъ наблюдать движенія корабля, на которомъ находится командующій флотомъ адмиралъ, и непосредственно воспринимать его распоряженія въ видѣ сиг-

наловъ. Наконецъ, на сушѣ, театры военныхъ дѣйствій и поля сраженій населены людьми и, за рѣдкими исключеніями, принадлежатъ кому-нибудь изъ противниковъ, тогда какъ на морѣ они обыкновенно составляютъ общее достояніе и не населены, но за то они служатъ путями сообщеніями и для нейтральныхъ государствъ, интересы и дѣйствія которыхъ переплетаются очень часто съ дѣйствіями флота воюющихъ сторонъ.

Вышеуказанныя особенности въ обстановкѣ веденія войны на сушѣ и на морѣ и опредѣляютъ, какъ ходъ развитія сухопутной и морской силъ, такъ и ихъ боевыхъ средствъ и пріемовъ борьбы. Очевидно, все это должно быть совершенно различно, и обѣ эти силы не могутъ съ пользою содѣйствовать другъ другу, если не будетъ взаимнаго пониманія этихъ особенностей.

Особенност воздушной силы и сход ство по сущности этой силы с морской.

Совершенно ясно, что обстановка войны въ воздухѣ, когда эта война будетъ имѣть мѣсто, по своей сущности будетъ вполнѣ аналогична съ обстановкой войны на морѣ. Кромѣ уже приведенныхъ выше аналогій, она будетъ характеризоваться тѣмъ же отсутствіемъ вліянія мѣстности, тѣмъ же преимущественнымъ вліяніемъ техники, но только въ еще болѣе широкой степени, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ морской войнѣ. Такъ же какъ и морская война, борьба въ воздухѣ будетъ происходить внѣ обитаемаго людьми пространства, въ области, принадлежащей всѣмъ одинаково и служащей для международнаго сообщенія, а потому и тутъ возникнутъ вопросы о правахъ нейтральныхъ, о частной собственности въ воздухѣ и т. п. Однимъ словомъ, въ воздухѣ, въ особенности, когда будетъ рѣшенъ вопросъ объ увеличеніи грузоподъемности, создастся обстановка совершенно сходная по существу съ обстановкой войны на морѣ. Сходства такъ много, различія столь не существенны и скорѣе формальны, что можно было бы продолжать эти параллели до безконечности.

Да это настолько просто чувствуется, что само собой для сооруженій, двигающихся въ воздухѣ, сложи-

лось то же названіе, что и для плавающихъ по водѣ. Слова — воздушный „корабль“, воздушный „флотъ“— сами напрашиваются на языкъ.

А отсюда получается болѣе чѣмъ вѣроятное предположеніе, что воздушная сила, находящаяся теперь въ первоначальной стадіи своего развитія, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, въ созданіи боевыхъ средствъ и пріемовъ ихъ употребленія, пойдетъ путемъ аналогичнымъ съ тѣмъ, который уже прошла морская сила, что ей придется развиваться, въ общемъ, по той же схемѣ, а потому знакомство съ особенностями морской войны въ особенности цѣнно именно тѣмъ, которые призваны къ созданію воздушнаго флота. Таковыми у насъ тоже являются сухопутные офицеры, и этимъ обстоятельствомъ и вызваны проведенныя здѣсь параллели между обстановками борьбы на морѣ и въ воздухѣ, и указаніе на полное сходство этихъ обстановокъ, и на ихъ полную противоположность обстановкѣ, въ которой происходитъ борьба на сушѣ.

Чѣмъ больше будетъ людей, понимающихъ духъ морской войны, ея особенности, ея технику, тѣмъ легче нашъ флотъ и армія, соединившись вмѣстѣ, подымутся на воздухъ и образуютъ единую, а потому нарочито мощную военную силу—воздушный „флотъ“.

Перейду теперь къ выясненію особенностей морской силы, на основаніи которыхъ и можетъ быть выяснено, насколько она можетъ помогать своей сухопутной силѣ и мѣшать непріятельской.

непосредственное назначеніе морской силы.

Непосредственное назначеніе морской силы, по объекту — сломить морскую силу противника, и посредствомъ этого—или защитить воды, омывающія берега государства, отъ покушеній на завладѣніе ими со стороны непріятельской морской силы, или завладѣть водами, омывающими берега противника.

Это опредѣленіе по своей формѣ совершенно сходственно съ опредѣленіемъ назначенія сухопутной силы, которая существуетъ для того, чтобы сломить сухопут-

ную силу противника и тѣмъ самымъ — или защитить отъ вторженія свою территорію, или занять территорію непріятеля.

Но какъ только мы выйдемъ изъ сферы общихъ опредѣленій, мы увидимъ, что задачи для рѣшенія которыхъ пускается въ дѣло сухопутная и морская силы, имѣютъ свои характерныя особенности.

Что дает владѣні моремъ

Владѣніе моремъ не только обезпечиваетъ свои берега отъ вторженія непріятельской сухопутной силы и открываетъ путь своей сухопутной силѣ для вторженія со стороны моря на территорію непріятеля, но оно обезпечиваетъ возможность сообщенія во время войны со *всѣмъ* міромъ, со всѣми остальными государствами — союзными и нейтральными, и отнимаетъ эту возможность отъ противника.

Вотъ эта задача почти недоступна сухопутной силѣ, а потому ею и не преслѣдуется.

Напримѣръ, если бы Германія воевала съ Франціей, ея сухопутная сила совершенно не могла бы помѣшать даже и сухопутному сообщенію Франціи, напримѣръ, съ Испаніей, и если бы послѣдняя была въ союзѣ съ Франціей, то ея армія свободно могла бы придти на помощь французамъ, даже въ случаѣ пораженія французской арміи. Только въ томъ случаѣ, если бы германская армія заняла бы всю французскую территорію вплоть до испанской границы, она могла бы вполнѣ изолировать французовъ отъ сношеній со всѣмъ остальнымъ міромъ. Между тѣмъ германскому флоту, если бы онъ одержалъ рѣшительный верхъ надъ французскимъ флотомъ, было бы сравнительно легко прервать морскія сообщенія Франціи не только съ Испаніей, но и со всѣмъ міромъ. И побѣдоносный германскій флотъ могъ бы помѣшать не только помощи Франціи со стороны моря, но именно онъ помѣшалъ бы Испаніи послать во Францію и свою армію, такъ какъ открытый морской путь къ испанскимъ берегамъ поставилъ бы ихъ подъ угрозу вторженія германской сухопутной силы.

И если Францiя еще продолжала сопротивляться Германiи въ 1870 г. послѣ Седана, то только потому, что черезъ море она получала обильную помощь извнѣ, въ видѣ боевыхъ припасовъ и продовольствiя. Также благодаря тому, что она владѣла моремъ, она могла въ началѣ войны перевезти на театръ войны свои отборныя войска изъ Алжира.

Вообще свобода морскихъ сообщенiй и въ военное время играетъ огромную роль. Едва ли какое-нибудь государство можетъ найти у себя всѣ средства необходимыя ему для веденiя войны. Или, если это государство промышленное,—ему не хватитъ продовольствiя, или, если оно земледѣльческое, — не хватитъ какихъ нибудь произведенiй техники. И даже, если бы все это и нашлось въ достаточномъ количествѣ у себя, свобода сообщенiй съ другими государствами даетъ во время войны свободу торговли, а это въ значительной мѣрѣ способствуетъ устойчивости финансоваго положенiя, что въ свою очередь представляетъ огромную важность во время войны.

Конечно, на это можно возразить, что сообщенiе съ другими государствами поддерживается не только моремъ, но и черезъ сухопутныя границы. Но дѣло въ томъ что черезъ сухопутныя границы можно поддерживать сношенiя только съ нѣсколькими сосѣдними государствами, и только черезъ нихъ—съ другими. Но именно изъ этихъ сосѣднихъ государствъ—одно, а то и два именно тѣ, съ которыми и ведется война.

Между тѣмъ море сообщаетъ со всѣмъ мiромъ. А кромѣ того, вслѣдствiе дешевизны и удобства морской перевозки, по сравненiю съ сухопутной, огромная часть торговли всякаго государства идетъ моремъ. На что ужъ Россiя считается страной континентальной, при томъ часть ея морей замерзаетъ на значительное время года,—и все-таки около трехъ четвертей ея торговли идетъ моремъ.

Черезъ моря дышатъ государства, и потому-то свобода морскихъ сообщеній имѣетъ такое огромное значеніе, которое еще увеличивается во время войны.

Значеніе новыхъ средствъ борьбы дл: государств возстановл ющаго сво военную мощь.

Выше было уже указано, что совершенно неправильно разбирать значеніе сухопутной и морской силы отдѣльно, потому что дѣйствительное значеніе и дѣйствительная мощь каждой изъ нихъ можетъ проявиться лишь при тѣсномъ ихъ взаимодѣйствіи, что надо говорить не о сухопутной или морской силѣ, а о военной силѣ государства, которая составляется изъ разумной комбинаціи той и другой. Въ эту комбинацію имѣетъ войти въ недалекомъ будущемъ и третья сила—воздушная. Но о ней пока говорить еще рано. Можно только пожелать, чтобы въ ея развитіи и созданіи мы не оказались позади другихъ государствъ, такъ какъ въ тотъ моментъ, когда воздушная сила преодолѣетъ препятствія, которыя мѣшаютъ ея развитію (главнымъ образомъ, малую грузоподъемность), она сразу займетъ первенствующее положеніе среди средствъ веденія войны, и безъ ея содѣйствія и армія и флотъ будутъ обезсилены.

Опоздать въ использованіи новаго оружія опасно вообще, но особенно это невыгодно такому государству, военная мощь котораго ослабла, и которому необходимо нагнать своихъ противниковъ, ушедшихъ далеко впередъ въ развитіи этой мощи.

Дѣйствительно, всякій крупный шагъ впередъ въ военной техникѣ представляетъ огромныя выгоды отставшимъ почему-либо въ этой техникѣ, или въ количествѣ вооруженныхъ силъ, государствамъ.

Причина этой выгоды заключается въ томъ, что появленіе новаго оружія сразу обезцѣниваетъ весь запасъ стараго и даже ставитъ то государство, которое обладаетъ меньшимъ запасомъ этого стараго оружія, въ болѣе выгодное положеніе, такъ какъ ему нѣтъ надобности тратить огромныя средства на содержаніе стараго оружія, а можно обратить всю свою энергію на созданіе вновь появившихся средствъ борьбы.

Яркій примѣръ правильности этого положенія у насъ передъ глазами. Это тревога—почти паника—англичанъ передъ создаваемымъ флотомъ германцевъ. А гдѣ причина этой тревоги? Вѣдь у англичанъ флотъ гораздо больше германскаго, и, какъ-бы ни лѣзли изъ кожи нѣмцы, догнать англичанъ по валовой вмѣстимости флота имъ очень трудно. А между тѣмъ дѣло объясняется очень просто. Послѣ японо-русской войны появился новый типъ броненосца (типъ „Дрэднотъ“), на столько превышающій всѣ прежніе типы по своей силѣ, что цѣнность ихъ значительно понизилась, и въ будущей войнѣ дѣло въ надводной борьбѣ будетъ рѣшаться только броненосцами новаго типа.

Вотъ нѣмцы и съумѣли уловить этотъ важный моментъ и добились того, что въ настоящее время они могутъ ежегодно строить такое-же количество броненосцевъ новаго типа, сколько и англичане. А значитъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда огромный англійскій флотъ, построенный до появленія новаго типа, еще болѣе устарѣетъ, германскій флотъ можетъ оказаться въ состояніи поспорить съ англичанами за обладаніе моремъ. А это грозитъ Англіи потерей ея морского могущества, т. е. для нея—потерей всего.

Такъ же пользуются нѣмцы и появленіемъ воздушнаго флота—и тутъ они уловили моментъ, и въ настоящее время обладаютъ наибольшимъ количествомъ воздушныхъ кораблей и такого типа, который пока наиболѣе пригоденъ для военныхъ цѣлей.

Но, повторяю, пока не о воздушномъ флотѣ рѣчь.

тноситель-
і роль арміи
и флота.

Пока я ставлю себѣ задачей показать, что во всякой странѣ, берега которой омываются моремъ, сухопутная и морская сила органически связаны другъ съ другомъ, и другъ безъ друга обходиться не могутъ, потому-что въ большинствѣ случаевъ отсутствіе флота обезсиливаетъ армію, а отсутствіе арміи, обыкновенно, за исключеніемъ чисто островныхъ государствъ, дѣлаетъ безполезной дѣятельность флота.

Однако значеніе флота, какъ необходимаго помощника арміи, далеко не столь ярко бросается въ глаза, какъ роль арміи въ общей работѣ военной силы.

Дѣйствительно, роль арміи совершенно ясна—она на виду у всѣхъ и не требуетъ какихъ-либо особыхъ поясненій. Всѣмъ ясны послѣдствія ея побѣды—она, безъ всякой видимой помощи со стороны флота, занимаетъ непріятельскую территорію и не очищаетъ ея до тѣхъ поръ, пока противникъ не выполнитъ поставленныхъ ему условій. При оборонѣ—армія заслоняетъ территорію государства отъ вторженія, отстаиваетъ ее шагъ за шагомъ.

Между тѣмъ послѣдствія дѣятельности флота далеко не такъ легко проникаютъ въ сознаніе. При наступленіи—онъ не можетъ занять ни одной пяди непріятельской территоріи безъ содѣйствія арміи. При оборонѣ—онъ не можетъ непосредственно помѣшать никакимъ дѣйствіямъ врага на нашей территоріи. И дѣйствительно—видимое рѣшеніе войны почти всегда на сушѣ, почти всегда оно зависитъ отъ результата столкновеній армій. И, какъ уже указано было выше, происходитъ это потому, что всѣ наши интересы, вся наша жизнь сосредоточены на сушѣ. Здѣсь мы ясно видимъ и ощущаемъ — что мы теряемъ и что мы выигрываемъ.

И эта ясность, эта ощущаемость иногда такъ сильно дѣйствуетъ, что не рѣдкость слышать, и не только въ частныхъ разговорахъ, а и въ представительныхъ учрежденіяхъ, и изъ устъ умныхъ и таланливыхъ людей, убѣдительныя рѣчи о томъ, что, вѣдь война рѣшается на сушѣ, а потому о флотѣ можно серьезно думать лишь тогда, когда сила арміи обезпечена, а иногда проскальзываетъ и такое мнѣніе,—что пожалуй, тогда и совсѣмъ безъ флота можно обойтись, и если его и имѣютъ другія государства, то лишь для защиты отдѣленныхъ отъ нихъ морем колоній и для защиты морской торговли, а значитъ, если нѣтъ такихъ колоній и морской торговли, то, пожалуй, и совсѣмъ можно обойтись безъ флота.

Но вотъ, почему-то всегда при этомъ забываютъ о томъ, что хотя участь войны и рѣшается въ большинствѣ случаевъ непосредственнымъ столкновеніемъ армій,— это дѣйствительно неоспоримо, — но, что это только окончательное и видимое для всѣхъ рѣшеніе вопроса, а скрыто—онъ былъ уже рѣшенъ гораздо раньше, и что обыкновенно побѣждаетъ тотъ, кто лучше подготовился къ войнѣ, кто создалъ именно для своей арміи такую обстановку, которая даетъ ей всѣ возможности для побѣды, кто создалъ такія средства, которыя способны въ значительной мѣрѣ обезсилить армію противника въ тотъ моментъ, когда ей придется дѣйствовать, несмотря на видимую ея численность и мощь.

И вотъ могучимъ средствомъ для созданія такой обстановки для арміи и служитъ флотъ. Именно флотъ даетъ арміи свободу дѣйствій, и именно отсутствіе флота—обезсиливаетъ армію.

Разберемъ этотъ вопросъ для различныхъ типовъ географической обстановки. Когда противники раздѣлены моремъ, это положеніе неоспоримо. Безъ флота нельзя вторгнуться въ предѣлы непріятельской территоріи, и послѣ вторженія все существованіе вторгнувшейся арміи зависитъ отъ флота. Тутъ ужъ отъ владѣнія моремъ зависитъ все, а не только свобода дѣйствій арміи. Съ другой стороны, владѣющій моремъ обезпеченъ отъ вторженія. А значитъ его флотъ, сколь-бы ни была могущественна армія противника, совершенно ее обезсиливаетъ. Достаточно вспомнить безсиліе превосходной, собранной на берегахъ Ламанша, арміи Наполеона, предназначенной для вторженія въ Англію.

Теперь возьмемъ случай, когда противники имѣютъ общую сухопутную границу, упирающуюся въ море, омывающее ихъ берега.

Предположимъ, что военныя операціи происходятъ въ прибрежной полосѣ. Въ этомъ случаѣ тотъ изъ противниковъ (А) который будетъ владѣть моремъ, будетъ имѣть двѣ коммуникаціонныя линіи—одну сухопутную,

а другую морскую, и база его изъ пограничнаго раіона растянется по всему побережью и будетъ все время охватывать театръ военныхъ дѣйствій.

Каждый пунктъ берега, находящійся во владѣніи А и доступный для мореходства, будетъ способенъ служить ему базой, и каждый таковой пунктъ, находящійся во владѣніи В, будетъ подъ угрозой нападенія съ моря и возможности въ немъ высадки той или другой части арміи А. Такимъ образомъ, А можетъ въ каждый моментъ порвать связь съ первоначальной своей базой, прилегающей къ сухопутной границѣ, и начать базироваться на любой удобный для этого пунктъ побережья, т. е. съ помощью владѣнія моремъ онъ, при наличіи соотвѣтственныхъ пунктовъ на морскомъ побережьѣ, можетъ въ каждый данный моментъ перемѣнить свою операціонную линію, т. е. можетъ начать дѣйствовать по другому направленію, базируясь на другую базу.

Это въ особенности будетъ ему выгодно, когда театръ военныхъ дѣйствій перенесенъ далеко въ предѣлы противника и онъ удалится на значительное разстояніе отъ своей сухопутной границы. Подвозъ моремъ и гораздо дешевле и удобнѣе подвоза сухимъ путемъ, и провозоспособность морскихъ путей неограничена. Въ результатѣ, тотъ изъ противниковъ, который будетъ владѣть моремъ, не будетъ опасаться за свою коммуникаціонную линію (сообщеній), ему не будетъ надобности отдѣлять значительныя силы для ея защиты, и онъ будетъ въ состояніи сосредоточить всѣ свои силы для главной цѣли—для того, чтобы сломить силу непріятельской арміи.

Такимъ образомъ, *флотъ, владѣющій моремъ, увеличиваетъ численность своей арміи.*

Совсѣмъ въ обратномъ положеніи будетъ тотъ изъ противниковъ, который не владѣетъ моремъ.

Любой пунктъ побережья, доступный для морской силы, находящійся на флангѣ или въ тылу его арміи, или его коммуникаціонныхъ линій, которыя всѣ про-

легаютъ по сушѣ, находится подъ угрозой нападенія непріятельскаго флота и высадки той или иной части его сухопутной силы.

Вслѣдствіе этого ему неизбѣжно придется отдѣлить очень значительныя силы для защиты различныхъ участковъ своего побережья и своихъ коммуникаціонныхъ линій. При значительной извилистости береговой линіи, въ особенности въ томъ случаѣ, когда въ территорію того изъ противниковъ, который не владѣетъ моремъ, врѣзываются длинные узкіе заливы, число войскъ для защиты побережья можетъ достигнуть очень значительной численности, такъ какъ придется ожидать появленія непріятеля на обоихъ берегахъ такихъ заливовъ. Поэтому для главной цѣли — для того, чтобы сломить силу непріятельской арміи, — тотъ изъ противниковъ, который не владѣетъ моремъ, не можетъ сосредоточить всей своей силы.

Такимъ образомъ *флотъ, владѣющій моремъ, уменьшаетъ численность арміи противника.*

Поэтому очевидно, что тотъ изъ противниковъ, который владѣетъ моремъ, чтобы использовать всѣ выгоды этого владѣнія, будетъ стремиться перенести театръ военныхъ дѣйствій въ прибрежную полосу и будетъ стремиться удержать его въ этой полосѣ. Противникъ его, конечно, будетъ стремиться оттянуть театръ военныхъ дѣйствій отъ побережья. Однако едва-ли ему это удастся сдѣлать.

Если тотъ изъ противниковъ, который стремится къ удержанію театра военныхъ дѣйствій въ прибрежной полосѣ, наступаетъ, то для его арміи всегда найдется достаточно важная цѣль на непріятельскомъ побережьѣ. Дѣйствительно, по берегу моря расположены богатые портовые города, да и многія столицы расположены или у моря, или не въ далекомъ отъ него разстояніи. А тогда придется и обороняющемуся ихъ защищать, т. е. тоже держаться въ прибрежной полосѣ.

Конечно, онъ можетъ отступить и въ глубь страны, опираясь, какъ на базу, на ея центръ, но этимъ онъ отдастъ наступающему всю свою береговую полосу, изъ которой его выбить будетъ очень трудно, такъ какъ онъ будетъ опираться на очень удобную базу—на лежащее за его спиной море. А тотъ можетъ даже и удовольствоваться занятіемъ этой территоріи, и только съ помощью этого занятія можетъ добиться заключенія выгоднаго мира. Но если даже это и не случится, то, прочно утвердившись на побережьѣ, опираясь на него, какъ на обширную базу, онъ можетъ начать наступать и внутрь страны, между тѣмъ, какъ, опираясь на свою сухопутную границу, ему, быть можетъ, и не удалось-бы это сдѣлать, напр., вслѣдствіе ея отдаленности отъ центра непріятельской страны и необходимости во всякомъ случаѣ отдѣлить при этомъ способѣ дѣйствій значительныя силы на охраненіе своихъ коммуникаціонныхъ линій, которыя въ этомъ случаѣ будутъ пролегать по сушѣ. Такимъ образомъ, у него для такого способа дѣйствій можетъ *не хватить силы.*

При этомъ надо еще отмѣтить, что если бы наступающій не владѣлъ моремъ, онъ не могъ-бы для завладѣнія побережьемъ пройти мимо своего противника, отступившаго въ глубь страны, такъ какъ тотъ могъ-бы оказаться на флангѣ его коммуникаціоннаго пути, который въ этомъ случаѣ пролегалъ-бы по сушѣ, и противникъ могъ-бы дѣйствовать на его сообщенія. Но владѣніе моремъ снимаетъ съ него это опасеніе и онъ можетъ свободно располагать своими дѣйствіями.

Теперь посмотримъ, что будетъ, если тотъ изъ противниковъ, который владѣетъ моремъ, обороняется. Можетъ ли въ этомъ случаѣ наступающій оттянуть театръ военныхъ дѣйствій отъ побережья внутрь страны?

Конечно, наступающій, за которымъ инициатива дѣйствій, можетъ направиться въ глубь непріятельской территоріи, но этимъ онъ подставляетъ свою коммуникаціонную линію подъ удары противника, оставшагося въ

прибрежной полосѣ. Значитъ, для того, чтобы двигаться впередъ, онъ долженъ обладать огромнымъ превосходствомъ въ силахъ, которое позволяло-бы ему выставить заслонъ, способный сопротивляться главнымъ силамъ непріятельской арміи. А если такой силы у него нѣтъ, ему придется направиться противъ этихъ главныхъ силъ, т. е. перейти въ прибрежную полосу и терпѣть всѣ неудобства и невыгоды веденія военныхъ дѣйствій въ прибрежной полосѣ, когда моремъ владѣетъ противникъ.

Во всякомъ случаѣ, отсутствіе владѣнія моремъ у наступающаго заставитъ его стремиться къ наступленію на центръ территоріи противника, а на это у него, какъ уже было указано выше, можетъ не хватить силы. Если противникъ останется у побережья,—потому, что придется выставить противъ него слишкомъ сильный заслонъ, а если противникъ будетъ непосредственно защищать доступъ ко своему центру—потому, что вообще для наступленія и при такомъ положеніи потребуется,—какъ и для всякаго наступленія вообще, за исключеніемъ случая, когда базой служитъ море,—опять-таки значительное превосходство силъ, такъ какъ коммуникаціонная линія, пролегающая по непріятельской территоріи, требуетъ охраненія значительными силами. Военная исторія даетъ очень поучительныя цифры какъ таетъ численность арміи при вторженіи ея въ непріятельскую страну.

Такимъ образомъ, какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ, владѣющій моремъ флотъ даетъ свободу дѣйствій своей арміи и отнимаетъ эту свободу дѣйствій у арміи противника.

Соединяя это съ выведеннымъ выше положеніемъ, что такой флотъ увеличиваютъ численность своей арміи и уменьшаетъ численность арміи противника, мы придемъ къ выводу, что *владѣющій моремъ флотъ вливаетъ силу въ свою армію и обезсиливаетъ армію противника.*

Значеніе рѣчнаго флота.

Но, конечно, можно себѣ представить и такую обстановку, когда по тѣмъ или другимъ причинамъ, театръ военныхъ дѣйствій настолько удаленъ отъ моря, что вліяніе владѣнія моремъ не проявляется достаточно рѣзко, и ограничивается, напр., только вліяніемъ посредствомъ прекращенія или уменьшенія свободы морской торговли.

Но отъ моря, далеко въ глубь каждой страны, протягиваются рѣки, а вліяніе рѣчнаго флота совершенно подобно вліянію владѣнія моремъ. Рѣчной флотъ также вливаетъ силу въ свою армію и обезсиливаетъ армію противника. Особенно наглядный примѣръ значенія рѣчнаго флота—это война за нераздѣльность штатовъ въ Сѣверной Америкѣ. Главнокомандующій арміей сѣверянъ такъ опредѣлилъ роль рѣчнаго флота въ знаменитой своей кампаніи въ бассейнѣ рѣки Миссисипи. „Флотъ во время этой кампаніи,—говоритъ Грантъ,—далъ все, что онъ только могъ намъ дать. Безъ его помощи кампанія эта не могла-бы быть ведена удовлетворительно, даже при двойной численности арміи. Такихъ же результатовъ, какихъ мы достигли, нельзя было-бы добиться безъ участія флота, какъ бы ни была многочисленна наша армія“.

Откуда проистекает сущност значенія м ской сил

И вся сущность значенія морской силы вытекаетъ изъ удобопримѣнимости и универсальности для достиженія важнѣйшихъ военныхъ цѣлей водной стихіи. Эта стихія—всегда готовый, удобный, дешевый, не подвергающійся порчѣ и обладающій неограниченной провозоспособностью путь сообщенія. Эта стихія обнимаетъ сушу, глубоко врѣзывается въ театры военныхъ дѣйствій, посредствомъ рѣкъ проникаетъ во всѣ ихъ участки, и тотъ, кто владѣетъ этой стихіей, помимо свободы сообщеній со всѣмъ міромъ, владѣетъ, благодаря способности этой стихіи носить на себѣ огромныя сооруженія, въ любомъ ея участкѣ и базой и позиціями въ тылу и на флангѣ противника.

Уже давно установлено, что водная стихія не разъединяетъ, а соединяетъ части суши. Но это только въ мирное время.

Во время же войны она соединяетъ всѣ части суши только для владѣющаго этой стихіей, а для противника его она именно не только ихъ разъединяетъ, но и воздвигаетъ неодолимыя между ними преграды, да еще и грозитъ противнику всюду, куда она проникаетъ. Вездѣ, гдѣ только имѣется водная поверхность, доступная для морской силы въ томъ или другомъ видѣ, тамъ могутъ имѣть мѣсто совмѣстныя дѣйствія арміи и флота.

„При совмѣстныхъ же дѣйствіяхъ арміи и флота,— говоритъ профессоръ стратегіи генералъ Н. П. Михневичъ,—на долю послѣдняго выпадаетъ обезпеченіе сообщеній (обезпеченіе операціонной линіи въ смыслѣ пути подвозовъ), и если флотъ не въ состояніи выполнить это назначеніе, то всѣ побѣды на сушѣ могутъ обратиться въ ничто. Здѣсь подтверждается афоризмъ Наполеона, что—le secret de la guerre est dans le secret des communications“. И вотъ этотъ секретъ во многихъ случаяхъ и лежитъ въ возможности пользоваться морской силой и въ умѣньѣ извлечь изъ нея всѣ тѣ выгоды, которыя она можетъ дать. А для этого надо понимать сущность морской силы, ея средствъ и ея пріемовъ веденія войны,—только тогда можно пріобрѣсти въ ея лицѣ надежнаго помощника, и только тогда можно разумно использовать ея помощь.

Тотъ же Наполеонъ говоритъ, что „никогда не слѣдуетъ обнажать своей операціонной линіи, но умѣнье перемѣнить ее, когда обстоятельства того потребуютъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ маневровъ“.

И вотъ наиболѣе удобной обстановкой для примѣненія такого искуснаго маневра является наличіе воднаго пространства, соприкасающагося съ театромъ военныхъ дѣйствій, и обладающая этимъ пространствомъ морская сила.

Значеніе морской сил въ войнѣ з нераздѣль ность Соед ненныхъ Шт товъ Сѣве ной Америк

Генералъ Михневичъ приводитъ классическій примѣръ пятикратной перемѣны базы въ продолженіе одного мѣсяца генераломъ Грантомъ на Виргинскомъ театрѣ войны въ 1864 году.

Именно, благодаря этимъ перемѣнамъ, выполненнымъ при содѣйствіи рѣчнаго флота, Грантъ, потерпѣвъ цѣлый рядъ неудачъ въ сраженіяхъ на сушѣ, все-таки достигъ поставленной имъ себѣ цѣли. Столь же важную роль сыгралъ рѣчной флотъ, по мнѣнію Гранта приведенному выше, въ кампаніи въ бассейнѣ рѣки Миссисипи въ 1862—63 годахъ.

Вообще весь ходъ войны за нераздѣльность штатовъ въ Сѣверной Америкѣ представляетъ очень наглядный примѣръ того огромнаго вліянія, которое оказываетъ морская сила на успѣшность операцій на сушѣ.

Вѣдь извѣстно, что южане обладали и болѣе способными вождями, и лучшимъ корпусомъ офицеровъ и лучшей арміей, чѣмъ сѣверяне, и что на сушѣ они въ большинствѣ случаевъ били сѣверянъ. Но у нихъ не было флота. А сѣверяне съ помощью своего флота буквально задушили южные штаты—не даромъ планъ веденія ими войны носитъ пазваніе—„анаконда планъ“, по имени гигантской змѣи, которая душитъ свою жертву сжимая ее своими кольцами. Прежде всего флотъ, завладѣвъ теченіемъ рѣки Миссисипи, разсѣкъ южные штаты пополамъ, при чемъ отдѣлилъ ту ея часть, которая служила театромъ военныхъ дѣйствій, но не могла сама прокормить армію, такъ какъ воздѣлывала, главнымъ образомъ, хлопокъ и табакъ, отъ ея житницы, которая лежала на правомъ берегу Миссисипи.

Затѣмъ, обвивъ южные штаты плотнымъ кольцомъ блокады со стороны моря, флотъ лишилъ армію южанъ подвоза изъ Европы боевыхъ припасовъ и вывоза туда хлопка, которымъ южане расплачивались за эти припасы.

Такимъ образомъ, флотъ сѣверянъ обезсилилъ армію южанъ и подготовилъ почву для возможности арміи сѣверянъ съ нею справиться.

А затѣмъ началось знаменитое окруженіе арміи Ли, при чемъ какъ армія Шермана, двигавшаяся къ берегу Атлантическаго океана отъ рѣки Миссисипи, такъ и армія Гранта, наступавшая съ сѣвера, все время базировались на море, получая поддержку своихъ силъ и охраненіе своей безопасности отъ флота. Наконецъ, кольцо сомкнулось вплотную, армія южанъ была окружена со всѣхъ сторонъ, и была совершенно отрѣзана отъ моря. А тогда ей пришлось положить оружіе.

Чѣмъ ...стигается ...йствитель...е могуще...во военной ...илы государства.

Итакъ, въ заключеніе этой главы, повторю еще разъ: въ очень многихъ случаяхъ именно флотъ вливаетъ мощь въ свою армію и обезсиливаетъ армію врага, а отсутствіе флота обезсиливаетъ свою армію и развязываетъ руки арміи врага.

Именно этимъ свойствомъ, и еще въ большей степени, такъ какъ воздушная стихія властвуетъ надъ всей земной поверхностью, будетъ обладать воздушный флотъ, когда онъ разовьется въ настоящую боевую силу. По существу воздушная сила аналогична съ морской, но она еще болѣе гибка и универсальна, и, владѣющая воздушнымъ пространствомъ воздушная сила еще болѣе будетъ вливать мощь въ свою армію и флотъ и еще болѣе будетъ обезсиливать армію и флотъ противника, чѣмъ это имѣетъ мѣсто по отношенію существующаго флота къ арміи.

И можно увеличивать армію сколько угодно, но надо помнить, что никакое ея увеличеніе не замѣнитъ того, что теперь можетъ ей дать морская сила, и что въ будущемъ дастъ ей сила воздушная, и если флотъ несоразмѣрно слабъ, то этимъ ослабляется и армія.

Только строго соразмѣренныя въ своемъ поддерживающемъ другъ друга могуществѣ, сухопутная и морская сила,—а въ будущемъ къ нимъ присоединится и сила воздушная,—могутъ образовать дѣйствительно могущественную военную силу государства.

II. Значеніе флота на театрахъ войны—Балтійскомъ, Черноморскомъ и Дальневосточномъ.

Примѣнимъ теперь установленныя въ предыдущей главѣ положенія къ разбору той стратегической обстановки, въ которой придется дѣйствовать русской военной силѣ на различныхъ театрахъ войны.

Характеристика Балтійскаго театра войны.

Балтійскимъ театромъ войны буду называть бассейнъ Балтійскаго моря, включая сюда и всю поверхность этого моря. По своей формѣ Балтійское море представляетъ изъ себя длинный и узкій заливъ, который, на участкѣ между островами Эзель и Даго и группой Оландскихъ острововъ, развѣтвляется еще на три залива,—Рижскій, Финскій и Ботническій, которые очень глубоко врѣзываются въ территорію Россіи. Внѣ береговъ этихъ заливовъ Россіи принадлежитъ только небольшой сравнительно участокъ побережья Балтійскаго моря отъ Люзерорта (сѣвернѣе Виндавы) до Полангена. Входы въ Рижскій и Ботническій заливы заперты группами острововъ, а устье Финскаго залива лежитъ позади этихъ группъ и само по себѣ имѣетъ незначительную ширину.

Такимъ образомъ, флотъ, владѣющій участкомъ моря между Оландскими островами и островомъ Эзелемъ, обезпечиваетъ отъ вторженія почти все русское побережье.

Общее направленіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, въ особенности въ гористой части Балтійскаго театра войны (Финляндіи и Швеціи)—вдоль берега съ болѣе или менѣе многочисленными отвѣтвленіями къ портамъ.

Перпендикулярно къ этому общему направленію протекаютъ рѣки, и многіе изъ желѣзнодорожныхъ мостовъ главныхъ желѣзнодорожныхъ артерій лежатъ въ недалекомъ разстояніи отъ устьевъ этихъ рѣкъ. Рѣки протекающія въ германскихъ предѣлахъ и въ русскихъ отъ германской границы до С.-Петербурга включительно, судоходны на значительномъ своемъ протяженіи.

На западной нашей границѣ русская территорія (Царство Польское) широкимъ клиномъ врѣзается въ германскіе и австрійскіе предѣлы, при чемъ этотъ клинъ отдѣляется отъ моря узкой прибрежной полосой германской территоріи (Восточная Пруссія).

Раіонъ сосредоточенія нашей арміи въ случаѣ войны съ Германіей (или съ Германіей и Австріей) опирается правымъ своимъ флангомъ на Гродно и крѣпость Ковно (на рѣкѣ Нѣманѣ), центръ его—Брестъ-Литовскъ (на рѣкѣ Бугѣ), и по теченію рѣки Буга онъ тянется прямо на югъ, имѣя на лѣвомъ флангѣ крѣпость Замостье. Такимъ образомъ, этотъ раіонъ представляетъ изъ себя основаніе того клина, который образуетъ наша западная граница въ сѣверной своей части. Впереди этого раіона, внутри клина, въ его центрѣ, параллельно раіону сосредоточенія нашей арміи, идетъ линія крѣпостей по рѣкѣ Вислѣ, имѣя на правомъ флангѣ составленный изъ крѣпостей треугольникъ — Варшава (на рѣкѣ Вислѣ), Новогеоргіевскъ (при сліяніи р. Вислы съ Наровой), Зегржъ, образующій плацдармъ, а на лѣвомъ флангѣ—Ивангородъ (на рѣкѣ Вислѣ).

Задача одготовки ападнаго астка Балйскаго тегра войны инженерэмъ отношеніи.

Эта передовая позиція, съ плацдармомъ на правомъ флангѣ, въ которомъ можетъ быть расположена значительная армія, имѣетъ задачей разбить волну вторгнувшейся въ наши предѣлы арміи на два потока и не дать ей уйти далеко, такъ какъ считается, что оставить къ тылу такую укрѣпленную позицію, гарнизонъ которой способенъ къ активной оборонѣ, непріятель не рѣшится. А пока онъ будетъ занятъ операціями противъ этой первой линіи обороны, главныя наши силы поспѣютъ сосредоточиться въ указанномъ выше раіонѣ. Одна изъ сильныхъ сторонъ этой линіи обороны заключается въ томъ, что крѣпости этой линіи занимаютъ главныя водныя артеріи Царства Польскаго, и находятся въ узлахъ главныхъ желѣзнодорожныхъ линій, а обойти ихъ очень трудно вслѣдствіе отсут-

ствія удобныхъ для того путей сообщенія, главнымъ образомъ желѣзныхъ дорогъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ на лицо имѣется фактъ, что нѣмцы около половины своей арміи (9 корпусовъ) сосредоточиваютъ именно въ Восточной Пруссіи, т. е. на правомъ флангѣ и въ тылу первой нашей оборонительной линіи и на правомъ флангѣ раіона сосредоточенія нашей арміи.

Этотъ фактъ собственно является торжествомъ подготовки нашего западнаго театра войны въ инженерномъ отношеніи. Система нашихъ крѣпостей разбила струю непріятельскаго нашествія, какъ устой моста рѣжетъ ледъ, и она же позволила намъ выяснить положеніе, т. е. знать, какимъ именно путемъ непріятель вторгнется въ наши предѣлы. Очевидный путь германской арміи—въ обходъ праваго фланга раіона сосредоточенія нашей арміи. Мы ихъ—подготовкой театра въ инженерномъ отношеніи—поставили въ необходимость остановиться именно на этомъ планѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, той же подготовкой, мы сдѣлали выполненіе этого плана чрезвычайно труднымъ, такъ какъ своимъ движеніемъ впередъ изъ Восточной Пруссіи нѣмцы открываютъ свою коммуникаціонную линію, подставляя ее подъ удары нашей передовой арміи, опирающейся на плацдармъ, составленный треугольникомъ крѣпостей.

Вотъ почему совершенно справедливо было возстать противъ увлеченія, охватившаго около года тому назадъ нѣкоторыя наши военныя сферы, выразившагося въ стремленіи разоружить нашу передовую линію обороны, такъ какъ на приведеніе ея въ надлежащій видъ, соотвѣтственно современнымъ требованіямъ, требуются значительныя затраты. Значительныя затраты требуются вездѣ, гдѣ дѣло запущено, но если оно запущено—это совсѣмъ не значитъ, что оно не нужно. Эта передовая линія свое дѣло сдѣлала и будетъ продолжать дѣлать, въ особенности если она будетъ дополнена на правомъ своемъ флангѣ обращеніемъ Ломжи

въ наступательный теть-де-понъ (работы были начаты, но потомъ были оставлены), каковымъ является и Новогеоргіевскъ. Тогда линія — Новогеоргіевскъ, Ломжа, Гродно явится солидно обоснованной угрозой движенію впередъ главныхъ силъ германской арміи.

ависимость ѣйствительности подготовки въ нженерномъ отношеніи шей западой границы тъ наличія нась морской силы.

Весь этотъ планъ очень хорошо былъ обоснованъ и ничто не нарушало его стройности до тѣхъ поръ... пока нашъ флотъ на Балтійскомъ морѣ могъ вступить въ борьбу съ германскимъ флотомъ за обладаніе водами этого моря. Это вѣдь было еще такъ недавно, всего 10—15 лѣтъ тому назадъ. Теперь же, когда мы настолько ослабѣли на морѣ, что германскій флотъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней съ момента объявленія войны можетъ стать полнымъ хозяиномъ всѣхъ водъ, омывающихъ наши берега, этотъ стройный планъ въ значительной мѣрѣ подорванъ, и можетъ быть возстановленъ только однимъ способомъ—созданіемъ такой русской морской силы на Балтійскомъ морѣ, которая могла бы вступить въ борьбу съ германской морской силой—другого выхода нѣтъ и быть не можетъ.

Дѣйствительно, опасеніе нѣмцевъ при движеніи впередъ ихъ главныхъ силъ изъ Восточной Пруссіи за перерывъ своихъ сообщеній, которымъ грозитъ нашъ плацдармъ въ центрѣ Царства Польскаго, въ значительной мѣрѣ отпадаетъ, разъ они могутъ опираться какъ на базу, на Балтійское море.

Разборъ наиболѣе эроятныхъ рманскихъ плановъ военныхъ дѣйствій.

Вмѣсто того, чтобы возиться съ нашими крѣпостями въ Царствѣ Польскомъ и съ нашей второй линіей обороны Брестъ-Литовскъ—Ковно, чтобы открыть себѣ путь въ центръ Россіи на Москву, имъ гораздо выгоднѣе будетъ, имѣя за собой владѣніе моремъ, выбрать операціонное направленіе на Петербургъ, на всемъ протяженіи котораго море будетъ обслуживать ихъ армію во всѣхъ отношеніяхъ.

Движеніе на Москву вообще представляетъ для германской арміи огромныя неудобства, хотя бы ей и удалось одолѣть обѣ наши оборонительныя линіи.

Коммуникаціонная ихъ линія должна въ этомъ случаѣ протянуться на 1.000 верстъ (по прямому направленію) въ глубь непріятельской страны, а потому потребуетъ отдѣленія очень значительныхъ силъ для своей охраны.

Сопоставивши это съ значительной тратой силъ на преодолѣніе нашихъ тщательно подготовленныхъ оборонительныхъ линій, численность германской арміи, необходимой для такой кампаніи, должна быть огромной, и потребуетъ огромныхъ подвозовъ продовольствія и боевыхъ припасовъ. Между тѣмъ пути сообщенія очень немногочисленны, и конечно, будутъ, насколько это возможно, разрушены при отступленіи нашей арміи.

По сравненію съ состояніемъ германскихъ путей сообщенія, полоса, въ которой придется двигаться германской арміи, будетъ въ такомъ же относительномъ положеніи для движенія современныхъ милліонныхъ армій, въ какомъ она была во времена нашествія Наполеона, и ей грозитъ та же участь быть поглощенной, „моремъ земли“ и изнемочь въ борьбѣ со стихіей „грязи“.

Наполеонъ былъ вынужденъ выбрать этотъ трудный и долгій путь, онъ не могъ выбрать операціонное направленіе на Петербургъ, вдоль морского побережья, такъ какъ онъ не имѣлъ никакой надежды на обладаніе водами Балтійскаго моря, а мы были тогда въ скрытомъ союзѣ съ Англіей, безспорной тогда владычицей морей. А между тѣмъ существуютъ извѣстныя указанія на то, что Наполеонъ имѣлъ въ головѣ идею о движеніи на Петербургъ, но вынужненъ былъ отъ нея отказаться изъ-за отсутствія морской силы. Нечего конечно и говорить, что на выполненіе плана движенія на Москву нѣмцамъ понадобится кромѣ огромной затраты силъ, и очень продолжительное время, а затяжка кампаніи во всѣхъ отношеніяхъ имъ невыгодна.

Во-первыхъ потому, что Германія, какъ страна, главнымъ образомъ, промышленная, съ трудомъ можетъ выдержать нарушеніе своей промышленной жизни въ

продолженіе долгаго промежутка времени, которымъ не преминутъ воспользоваться ея конкурренты на міровыхъ рынкахъ. Во вторыхъ, въ виду распаденія Европы на два лагеря и наличія государствъ намъ союзныхъ и вступившихъ съ нами въ соглашеніе, Германія, чтобы бить своихъ противниковъ по частямъ, постарается выбрать для нападенія на насъ удобный моментъ, когда стоящіе на нашей сторонѣ государства будутъ чѣмъ нибудь отвлечены. А тогда ей будетъ искючительно выгодно сколько можно сократить продолжительность кампаніи, и особенно она будетъ добиваться значительныхъ, оглушительныхъ успѣховъ въ началѣ кампаніи. Это будетъ лучшимъ средствомъ предотвратить вмѣшательство нашихъ союзниковъ, которые, какъ это свойственно всякимъ союзникамъ, въ концѣ концовъ преслѣдуютъ только свои собственные интересы, и болѣе чѣмъ возможно, что они предпочтутъ удовольствоваться извѣстной компенсаціей со стороны побѣдителя, чѣмъ ввязываться въ войну, результатъ которой если и грозитъ ихъ интересамъ, то лишь въ будущемъ.

Всѣ въ Европѣ, собственно, такъ боятся войны, что охотно готовы отдалить ее, тѣмъ болѣе, если страдать отъ этого приходится не самому, а хотя бы и союзнику, въ особенности, если можно кое-что сорвать съ врага за невмѣшательство, да и врагъ все-таки временно ослабѣетъ, хотя бы война и была для него удачной. Объ опасности въ будущемъ отъ такой политики стараются не думать — ее видятъ немногіе, а въ общемъ, въ своей массѣ, общество и народъ, а подъ давленіемъ ихъ и правительства, склонны ко всякимъ компромиссамъ, лишь-бы отдалить войну.

Вотъ почему Германіи, при нападеніи на насъ, нужна быстро протекающая кампанія съ рѣшительными успѣхами въ самомъ ея началѣ. Вотъ почему и намъ, чтобы уменьшить возможность такого нападенія, надо надѣяться не на союзниковъ, а сдѣлать такую кампанію

для Германіи невозможной, и выставить передъ ней проблему—или на насъ не нападать. или ужъ ввязываться въ затяжное и обставленное огромными для нея трудностями, тщательно нами подготовленными (подготовка Царства Польскаго въ инженерномъ отношеніи),—движеніе въ центръ Россіи, успѣхъ котораго болѣе чѣмъ сомнителенъ для нея. И это средство было у насъ въ рукахъ, когда наша морская сила могла спорить съ германской за обладаніе водами Балтійскаго моря, а теперь, когда у насъ нѣтъ этой силы и когда, вслѣдствіе соглашенія съ Англіей, нападеніе на насъ Германіи является болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, какъ только представится для этого удобный моментъ, мы лишены этого средства. А направленіе операціонной линіи нѣмцевъ на Петербургъ представляетъ имъ какъ разъ именно всѣ тѣ выгоды, которыя для нихъ особенно цѣнны.

Прежде всего направленіе на Петербургъ отъ мѣста сосредоточенія германской арміи на 400 верстъ короче такого-же направленія на Москву. Затѣмъ во все время движенія лѣвый флангъ германской арміи будетъ опираться на море, которое будетъ ему служить базой. Изъ-за этого ей придется очень незначительное количество силъ отдѣлить для защиты своей коммуникаціонной линіи, которая пролегаетъ по морю. Наконецъ, нѣмцы могутъ перебросить моремъ значительныя силы прямо къ Петербургу и захватить столицу. Точно также они могутъ воспользоваться Финляндіей, поддержавъ тамъ готовое вспыхнуть въ первый удобный моментъ возстаніе не только деньгами, но и войсками и боевыми припасами. Такіе успѣхи въ началѣ кампаніи болѣе чѣмъ вѣроятно обезпечатъ нѣмцевъ отъ вмѣшательства нашихъ союзниковъ. И если занятіе нѣмцами Прибалтійскаго края и даже взятіе Петербурга все-таки не приведетъ къ желаннымъ для нихъ условіямъ мира, то именно теперь, опираясь на море, какъ на базу, на линію Либава—Рига—Петербургъ,

нѣмцы могутъ предпринять движенiе и къ центру Россiи. Такимъ образомъ, германскiй флотъ, владѣющiй моремъ, вольетъ особую мощь въ свою сухопутную силу и обезпечитъ ей свободу дѣйствiй и возможность выбрать наивыгоднѣйшiй для нея планъ кампанiи. Каково же будетъ положенiе русской сухопутной силы при владѣнiи германцами моремъ? Во-первыхъ, придется намъ отдѣлить значительныя силы для защиты побережья, включая сюда и Финляндiю. Такимъ образомъ, германскiй флотъ, владѣющiй моремъ, въ значительной мѣрѣ обезсилитъ нашу армiю.

Въ особенности значительныхъ силъ для противодѣйствiя германской высадкѣ и операцiямъ германскаго десантнаго корпуса противъ Петербурга потребуютъ берега Финскаго залива, который особенно удобенъ для непрiятельскихъ десантныхъ операцiй.

Дѣйствительно, Финскiй заливъ, благодаря своей формѣ—длиннаго узкаго мѣшка, въ глубинѣ котораго лежитъ столица, позволяетъ непрiятельскому десанту очень быстро перебрасываться съ одного берега на другой, и поспѣть за нимъ кружнымъ сухимъ путемъ для армiи, противодѣйствующей намѣренiю противника высадиться,—нѣтъ никакой возможности. Онъ въ состоянiи будетъ и высадиться, и будетъ имѣть достаточное время, чтобы укрѣпиться и не дать себя сбросить въ море. Затѣмъ движенiе нѣмецкой армiи въ Курляндiю, для занятiя линiи Либава—Рига, нарушитъ планъ сосредоточенiя нашей армiи въ раiонѣ Гродно—Брестъ-Литовскъ. Придется выбрать другой раiонъ сосредоточенiя, быть можетъ, на линiи Ковно—Рига, а можетъ быть придется отнести его и еще дальше, въ особенности, при движенiи нѣмцевъ моремъ на Петербургъ, или при занятiи ими Финляндiи. Переходъ нашей армiи въ прибрежную полосу сейчасъ-же поведетъ за собой, при владѣнiи нѣмцевъ моремъ, постоянную угрозу ея правому флангу и тылу.

Армія наша совершенно потеряетъ свободу дѣйствій, и притомъ будетъ поставлена въ самыя тяжелыя условія для противодѣйствія выполненію германскаго плана, каковъ-бы ни былъ этотъ планъ, и едва-ли ей при такихъ условіяхъ удастся отстоять Прибалтійскій край, Петербургскую губернію и Финляндію—слишкомъ неравны будутъ силы, при условіи владѣнія нѣмцами моремъ. Говорятъ, что Германія этого не сдѣлаетъ, что ея армія не пройдетъ мимо нашей арміи, расположенной въ вышеуказанномъ ея раіонѣ сосредоточенія, такъ какъ этимъ она открываетъ нашей арміи путь въ восточную Пруссію и даже на Берлинъ, который лежитъ гораздо ближе отъ нашей границы, чѣмъ Петербургъ, а вся германская территорія изобилуетъ превосходными путями сообщенія. Однако, едва-ли это возраженіе имѣетъ подъ собою реальное основаніе. Не говоря о цѣломъ рядѣ германскихъ крѣпостей съ гарнизонами, способными къ активной оборонѣ, т. е. къ дѣйствію на наши пути сообщенія, и о томъ, что сила оставшихся въ Пруссіи германскихъ войскъ будетъ значительно увеличена ихъ возможностью пользоваться и морскими путями сообщенія, нельзя себѣ представить, чтобы движеніе германской арміи въ наши предѣлы, а въ особенности движеніе германскаго десанта въ глубь Финскаго залива, вызвало что-либо другое со стороны нашей арміи, кромѣ быстраго передвиженія для защиты Прибалтійскаго края и столицы.

И опять, и въ такомъ рѣшеніи большую роль будетъ играть морская сила.

Если-бы наша армія рѣшилась отвѣтить вторженіемъ на вторженіе, то простымъ движеніемъ на югъ въ нашемъ тылу германская армія могла-бы отрѣзать нашу вторгнувшуюся армію отъ своей базы, а это была-бы ея неизбѣжная гибель. Между тѣмъ мы не могли-бы сдѣлать ничего подобнаго, такъ какъ германскую армію отрѣзать отъ ея базы никакими передвиженіями на сушѣ нельзя, такъ какъ ея база—море, и эта база

слѣдуетъ за нею всюду, пока она держится въ прибрежной полосѣ. Условія здѣсь столь неравны, что ничего другого, какъ оборонять то, что германская армія выбрала для себя объектомъ наступленія, для нашей арміи будетъ недоступно.

...рибѣгнетъ-... Германія ... десант-...ымъ опера-...ямъ въ слу-...ѣ войны съ Россіей.

Въ извѣстной военной средѣ очень распространено мнѣніе, что германцы не прибѣгнутъ къ десантнымъ операціямъ потому, что такъ какъ вопросъ объ участи кампаніи разрѣшается между нами и Германіей столкновеніемъ армій, то они не рѣшатся ослабить свою армію на главномъ театрѣ войны, т. е. въ бассейнѣ р. Нѣмана и Вислы, и главная ихъ цѣль будетъ—разбить главныя силы нашей арміи, которыя будутъ сосредоточены въ этомъ раіонѣ.

Все это, конечно, совершенно вѣрно, т. е. и то, что участь войны нашей съ Германіей рѣшится результатомъ исхода борьбы на сушѣ, и что главная цѣль германской арміи будетъ — сломить главныя силы нашей арміи, и что они сосредоточатъ свои силы на главномъ театрѣ войны, но только весь вопросъ въ томъ — какой участокъ театра войны *именно нѣмцы* будутъ считать главнымъ, и къ какому способу они прибѣгнутъ, чтобы осилить главныя силы нашей арміи.

Вѣдь бассейны рѣкъ Вислы и Нѣмана — это желательный *намъ* главный участокъ театра войны, который мы подготовили и въ инженерномъ отношеніи, и въ которомъ мы сосредоточиваемъ наши главныя силы; направленіе именно сюда главныхъ силъ германской арміи—это желательный *намъ* планъ ея дѣйствій, такъ какъ при этомъ мы имѣемъ больше всего шансовъ на успѣхъ.

Но вопросъ,—такъ-ли смотрятъ на это германцы, и не вѣрнѣе-ли предположить, что именно имъ-то и не выгодно поступать такъ, какъ желательно намъ, а напротивъ, выгодно выбрать такой планъ дѣйствій, который намъ невыгоденъ и котораго мы не ожидаемъ.

Пока мы владѣли моремъ, а это было именно такъ, пока исторически складывалась система нашей подготовки войны съ Германіей, пока это обладаніе было спорнымъ—(а это было всего 10—15 лѣтъ тому назадъ)—нѣмцамъ не было другого выхода, какъ слѣдовать нашимъ предначертаніямъ. Но теперь Германія сдѣлалась первоклассной морской державой, владѣніе ею водами Балтійскаго моря неоспоримо, и прямо невозможно предположить, чтобы она не воспользовалась тѣми огромными преимуществами, которыя прямо даются ей въ руки, благодаря наличію у нея огромной морской силы.

Въ одной изъ работъ нашего Главнаго Штаба, уже потерявшей теперь значеніе секретной, такъ какъ она относится къ 1898 году, говорится такъ:

„Пользуясь быстротой мобилизаціи своего военнаго флота, Германія можетъ немедленно двинуть его въ Финскій заливъ. Явившись тамъ ранѣе, чѣмъ нашъ флотъ окончитъ мобилизацію въ полномъ составѣ, нѣмецкій флотъ можетъ не только заставить готовыя суда нашего флота укрыться въ Кронштадтѣ или Свеаборгѣ, но и заградить минами наши порты и фарватеры. Выдѣливъ затѣмъ часть судовъ для охраны минныхъ загражденій, онъ пріобрѣтаетъ свободу дѣйствій для достиженія цѣлей войны совмѣстно съ сухопутной арміей; въ этомъ случаѣ могутъ быть предприняты десантныя операціи какъ вспомогательныя, такъ и самостоятельныя. Такой способъ дѣйствій обезпечиваетъ нѣмецкое побережье Балтійскаго моря отъ покушеній нашего флота, дѣлаетъ торговлю безопасной и отдаетъ въ руки противника все наше побережье.

„Если противникъ будетъ имѣть достаточно средствъ, чтобы поднять десантный отрядъ въ 80—100 тысячъ человѣкъ, то С.-Петербургъ подвергается самый серьезной опасности“.

И такъ предполагалось въ то время, когда соотношеніе нашихъ и германскихъ морскихъ силъ было несравненно выгоднѣе для насъ, чѣмъ теперь.

Думаютъ ли нѣмцы о десантныхъ экспедиціяхъ?

Изъ того же источника почерпаемъ свѣдѣнія, что „по мобилизаціонному плану 1882 года, десантъ въ 10.000 человѣкъ, 9 орудій, 100 повозокъ и 110 лошадей предполагалось посадить на 32 паровыхъ судахъ въ Штетинѣ (пѣхота), Свинемюндѣ (кавалерія) и Штральзундѣ (артиллерія и обозъ); десантъ въ 20.000 человѣкъ—на парусныя суда въ Данцигѣ и, наконецъ, десантъ въ 20.000 человѣкъ, 300 лошадей и 350 орудій и повозокъ — посадить на 42 парохода въ Нѣмецкомъ морѣ; всего 50.000 человѣкъ съ орудіями, лошадьми и повозками. Посадка предполагалась въ теченіе 21 дня. Вслѣдствіе быстраго увеличенія числа большихъ торговыхъ судовъ за послѣдніе 16 лѣтъ (т. е. къ 1898 году) возможность большихъ десантовъ увеличилась. Если изъ всего числа торговыхъ судовъ (4.200) взять только одну треть, т. е. 1400 судовъ, съ грузовмѣстимостью въ 60.000 тонъ, то на нихъ можно посадить десантъ въ 100.000 человѣкъ, 10.000 лошадей и 300 орудій, съ запасомъ продовольствія на 7—10 дней.

Теперь-же германскій коммерческій флотъ занимаетъ второе мѣсто по своему тоннажу (вѣсу) и тоннажъ его паровыхъ судовъ съ 1898 года увеличился больше чѣмъ вдвое. Притомъ въ Германіи имѣется превосходное мѣсто для посадки войскъ—это сѣверо-германскій каналъ, вся длина котораго можетъ быть использована какъ прекрасно оборудованная набережная для посадки войскъ и погрузки тяжестей, при полной защитѣ отъ непогоды и возможности сохранить эту посадку втайнѣ, что въ портовыхъ городахъ представляетъ извѣстныя затрудненія.

значеніе ія Россіи дготовки эманіи для эрьбы съ Англіей.

Наконецъ мы вѣдь знаемъ, что Германія дѣятельно готовится къ войнѣ съ Англіей, т. е. къ вторженію на Великобританскіе острова, и всѣ приготовленія къ этой экспедиціи безъ какихъ либо перемѣнъ, въ любой моментъ могутъ быть использованы для посылки ея на востокъ.

Недавно вышла оченъ интересная книга „Господство на Атлантическомъ океанѣ“ [1]), авторъ которой Персиваль А. Хисламъ имѣлъ возможность пользоваться многими компетентными источниками. Онъ приводитъ такія соображенія о возможности германскаго вторженія на Великобританскіе острова.

„Германія въ 36-ти часовой срокъ можетъ сосредоточить въ своихъ портахъ Нѣмецкаго моря двухсотъ-тысячную армію. При этомъ не будетъ никакой нужды въ предварительномъ сборѣ судовъ для транспортныхъ цѣлей, ибо въ германскихъ портахъ таковыхъ находится всегда болѣе нежели достаточное количество для перевозки моремъ арміи указанной численности; къ тому есть вѣскія основанія къ заявленію о томъ, что въ Германіи всегда ведется учетъ всѣмъ значительнымъ пароходамъ, приходящимъ въ германскіе порта, и тотчасъ по ихъ прибытіи опредѣленныя воинскія части распредѣляются, правда лишь на бумагѣ, по этимъ пароходамъ, на случай внезапнаго ихъ призыва для перевозки на берега Англіи. Что же касается удобствъ посадки войскъ на суда, то въ портахъ одного лишь Нѣмецкаго моря Германія имѣетъ достаточной длины причальную линію приглубыхъ пристаней для одновременнаго размѣщенія на ней до 100 пароходовъ въ 600 футъ длиною каждый“.

Персиваль Хисламъ считаетъ, что высадка будетъ сдѣлана внезапно, безъ объявленія войны, такъ какъ это единственный шансъ для германцевъ избѣжать встрѣчи съ англійскимъ флотомъ.

Дѣйствительно Великобританскіе острова для этого очень удобны, ибо окружить ихъ со всѣхъ сторонъ флотомъ нельзя—не хватитъ на это никакого флота, да кромѣ того это заставитъ его разбросать свои силы, подставляя ихъ по частямъ подъ удары сосредоточенныхъ силъ противника.

---

[1]) Книга эта вышла въ русскомъ переводѣ въ 1908 году.

Между тѣмъ, если, благодаря туману или темной ночи, англичанамъ не удастся выслѣдить выходъ десантной экспедиціи изъ германскихъ портовъ, она, благодаря короткимъ разстояніямъ, можетъ появиться внезапно въ любомъ мѣстѣ Великобританскаго побережья и поспѣетъ высадиться раньше, чѣмъ къ этому пункту подоспѣютъ британскія морскія и сухопутныя силы. А разъ высадка состоится, то въ такой богатой странѣ, какъ Англія, съ превосходными путями сообщенія, десантный корпусъ можетъ оченъ быстро захватить столицу и существовать на счетъ страны достаточно долго, чтобы принудить ее къ миру.

По словамъ Персиваля Хислама, „Британское правительство тѣми средствами, кои всегда находятся въ распоряженіи у любой державы, готовой платить за нужныя свѣдѣнія, овладѣло разработаннымъ планомъ вторженія въ нашу страну. Въ то время какъ британскія морскія силы находились-бы номинально въ отечественныхъ водахъ, а въ дѣйствительности, въ нѣкоторомъ удаленіи отъ своей страны, напр., въ Лагосѣ или въ Гибралтарѣ, или даже гдѣ нибудь въ западной части Англійскаго канала, военно-сухопутныя германскія силы должны были быть посажены на многочисленные пассажирскіе и грузовые пароходы, въ изобиліи всегда находящіеся въ германскихъ портахъ Нѣмецкаго моря. Флотилія съ экспедиціоннымъ корпусомъ должна была направиться къ устью рѣки Гумбера, въ то время какъ весь германскій флотъ предполагалось направить для захвата пролива Па-де-Кале, при чемъ было установлено такое распредѣленіе времени, что появленіе десантной флотиліи передъ Гуллемъ должно было случиться примѣрно на часъ раньше прихода германскаго флота на видъ Дувра, на что имѣлся тотъ разсчетъ, что пока извѣстія изъ Гулля достигнутъ Лондона и соотвѣтствующія распоряженія будутъ посланы британскимъ морскимъ силамъ, германскій флотъ окажется въ весьма благопріятномъ положеніи, раздѣлываясь по частямъ

съ тѣми отдѣльными судами и эскадрами, которыя, при первоначальной паникѣ, будутъ разосланы для защиты берега отъ вторженія. Суда съ войсками должны были подняться вверхъ по Гумберу, поскольку то допуститъ глубина рѣки, а затѣмъ экспедиціонный корпусъ долженъ былъ направиться къ Ливерпулю, пересѣкая страну пополамъ въ самой жизненной ея части. Вмѣстѣ съ тѣмъ безпрерывный приливъ подкрѣпленій долженъ былъ быть поддерживаемъ, и, въ случаѣ даже если-бы, наконецъ, германскій флотъ потерпѣлъ-бы при встрѣчѣ съ британскими морскими силами полное пораженіе, достаточно времени прошло-бы до этого событія для нанесенія экспедиціоннымъ отрядомъ такого финансоваго ущерба крупнымъ коммерческимъ и мануфактурнымъ центрамъ сѣвера Англіи, что это одно принудило-бы Британское правительство къ покорности". Именно вотъ этотъ планъ, какъ увѣряетъ Хисламъ, повелъ къ тому, что въ послѣдніе годы дислокація англійскихъ морскихъ силъ была радикально измѣнена. Теперь главныя морскія силы, и въ постоянной боевой готовности, расположены въ ближайшихъ портахъ къ Германіи, а не въ Средиземномъ морѣ, и не въ Тихомъ океанѣ, какъ это было прежде. Союзъ съ Японіей позволилъ ослабить составъ англійскаго флота въ Тихомъ океанѣ, соглашеніе съ Франціей дало возможность сдѣлать то же самое въ Средиземномъ морѣ.

„Въ виду неопровержимаго превосходства британскаго флота, должно быть признано,—говоритъ Хисламъ,—что вторженіе на наши берега можетъ быть единственнымъ средствомъ, которымъ Германія можетъ надѣяться привести насъ къ покорности, а потому зрѣлый планъ такого нашествія долженъ быть единственной заботой германскаго генеральнаго штаба, въ разборѣ случая войны съ нами. Утверждать же, что такого плана никогда и не существовало въ зданіи упомянутаго генеральнаго штаба, по меньшей мѣрѣ странно, ибо подобное учрежденіе не имѣетъ никакихъ правъ на суще-

ствованіе, если оно не занимается разработкой плановъ веденія любой изъ войнъ, къ руководству которой оно можетъ быть призвано; Германіи же врядъ-ли неизвѣстенъ тотъ планъ, который даетъ ей высшій, если не единственный, шансъ на успѣхъ въ случаѣ войны съ нами“.

Можно-ли ожидать со стороны Германіи начала военныхъ дѣйствій безъ объявленія войны.

Возможно-ли вторженіе безъ оффиціальнаго объявленія войны, ибо вѣдь это одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ успѣха такого вторженія, при наличіи сильнаго флота у той страны, которая можетъ ему подвергнуться?

На это отвѣтъ даетъ наша послѣдняя война съ Японіей. Такъ же поступила за 10 лѣтъ передъ тѣмъ Японія и въ войнѣ съ Китаемъ.

Но сомнѣвающимся въ этой возможности не мѣшаетъ познакомиться съ трудомъ генерала Морица—„Военныя дѣйствія безъ объявленія войны“ [1]).

Онъ указываетъ, что за періодъ времени въ 170 лѣтъ, съ 1700 по 1870 годъ, объявленіе войны предшествовало открытію военныхъ дѣйствій не болѣе десяти разъ, и въ сорока одномъ случаѣ отсутствіе объявленія войны объяснялось желаніемъ обезпечить себѣ преимущества внезапности движенія, и вслѣдствіе этого захвата врасплохъ неподготовленнаго къ тому непріятеля. Въ особенности удобно воспользоваться для этого различными столкновеніями въ отдаленныхъ европейскихъ колоніяхъ, которыя могутъ быть и подготовлены, и притомъ такъ, посредствомъ перерыва соотвѣтствующихъ телеграфныхъ сообщеній, что та метрополія, на которую замышляется внезапное нападеніе, опоздаетъ получить извѣстіе о происшедшемъ столкновеніи.

А тогда та метрополія, которая первой получитъ извѣстіе о вооруженномъ столкновеніи въ колоніяхъ, можетъ считать себя въ правѣ, на основаніи этихъ извѣстій, совершить любой поступокъ совершенно вне-

[1]) Maurice. Hostilities without declaration of war.

запнаго агрессивнаго характера и можетъ даже, основываясь на предшествовавшемъ вооруженномъ столкновенiи въ колонiяхъ, претендовать передъ Европой на роль обиженной державы, а не зачинщика, какъ-бы насильственны ни были ея поступки въ Европѣ. Генералъ Морицъ совершенно логично объясняетъ—почему случаи начатiя военныхъ дѣйствiй безъ объявленiя войны все учащаются въ послѣднее именно время. „Перемѣна во взаимныхъ отношенiяхъ нацiй въ подобныхъ обстоятельствахъ,—говоритъ онъ—очевидно, обязана не усиленiю вѣроломства въ нашъ вѣкъ, а просто развитiю чисто механическихъ усовершенствованiй и улучшенiю средствъ сообщенiй".

„Когда армiи передвигались медленными этапами, какъ, напр., римскiе легiоны, весь ходъ войны былъ столь продолжителенъ и сопряженъ съ такими затрудненiями, что безъ вреда успѣху войны, въ ея программу могло войти и торжественное ея объявленiе. Въ настоящее время, развитiе дорогъ, телеграфа, желѣзно-дорожныхъ путей и прочихъ средствъ сообщенiя, припасовъ, провизiи, обмундированiя, легкость преодолѣнiя различныхъ физическихъ препятствiй и отличное знанiе мѣстности, прiобрѣтаемое хорошими картами, сдѣлали внезапныя предпрiятiя несравнимо болѣе легкими, чѣмъ въ прежнiя времена; въ девятнадцатомъ вѣкѣ болѣе легкими, чѣмъ въ восемнадцатомъ и такъ далѣе, и въ послѣднемъ столѣтiи подобныя внезапности послѣдовали одна за другою съ гораздо большею скоростью, нежели когда либо раньше".

Всѣ предыдущiя данныя о вторженiи германцевъ въ Англiю были приведены къ тому, чтобы доказать, что германцы неизмѣнно готовятся къ десантной экспедицiи въ грандiозныхъ размѣрахъ, что они обладаютъ всѣми необходимыми для этого средствами, а слѣдовательно вполнѣ логично предположить, и положительно нѣтъ никакихъ основанiй это оспаривать, что они воспользуются этими тщательно подготовленными

средствами и въ войнѣ съ нами. А тогда никакими усиленіями численности, никакимъ развитіемъ желѣзнодорожныхъ путей армія не можетъ возмѣстить отсутствія такого необходимаго и неоцѣнимаго въ данномъ случаѣ помощника какъ флотъ. Какія бы сильныя крѣпости ни были выстроены на берегахъ Финскаго залива, хотя-бы траекторіи ихъ пушекъ, благодаря увеличенію дальности полета снарядовъ, и перекрывали другъ друга, какія бы ни ставились минныя загражденія, но разъ снаряды падаютъ внѣ видимости стрѣляющихъ, разъ минныя загражденія ничѣмъ не могутъ быть защищены—никакого флота они не остановятъ, и онъ все равно войдетъ въ Финскій заливъ и пройдетъ его до конца съ любымъ количествомъ транспортовъ. Остановить морскую силу, за исключеніемъ узкихъ проливовъ, можетъ только морская сила, способная вступить съ ней въ борьбу. Я не разбираю въ данный моментъ вопроса, какова должна быть эта сила, должна-ли она состоять изъ линейныхъ, минныхъ или подводныхъ судовъ,—но эта сила должна быть морская, или если хотите, то и воздушная, однимъ словомъ такая, которая можетъ дѣйствовать на водномъ пространствѣ, уходя въ глубину, или поднимаясь надъ нимъ, но ни въ коемъ случаѣ не сила, которая привязана къ сушѣ.

А кромѣ того, въ случаѣ если-бы противникъ и былъ бы остановленъ минными загражденіями и перекрестнымъ огнемъ батарей съ противоположныхъ береговъ Финскаго залива, никто ему не мѣшаетъ высадиться, не доходя до этихъ мѣстъ, въ Финляндіи, или на южномъ берегу.

Все равно это будетъ полнымъ крушеніемъ нашего плана обороны на западной границѣ и будетъ грозить захватомъ (хотя и не столь внезапнымъ) столицы.

И опять не надо забывать, что именно географическая обстановка, въ которой находятся наши берега,

въ значительной мѣрѣ облегчаетъ ихъ защиту помощью флота и затрудняетъ эту защиту для арміи.

Значеніе русскаго Балтійскаг флота въ случаѣ борьбы со Швеціей.

Кромѣ Германіи нашимъ противникомъ на Балтійскомъ театрѣ можетъ выступить еще Швеція.

Она можетъ явиться союзницей Германіи и можетъ выступить противъ насъ самостоятельно.

Въ первомъ случаѣ она окажетъ огромную помощь нѣмцамъ, отвлекая значительную часть нашей арміи отъ раіона ея сосредоточенія на западной границѣ. Если шведская армія будетъ переброшена въ Финляндію, она найдетъ для себя готовую базу для дѣйствія противъ Петербурга, но, при владѣніи моремъ, она можетъ быть высажена и вблизи Петербурга. Но даже чтобы попасть въ Финляндію, шведамъ необходимо владѣть хотя-бы водами Ботническаго залива, такъ какъ кружный путь очень длиненъ, пролегаетъ по наименѣе населеннымъ частямъ Швеціи и Финляндіи и единственная желѣзная дорога пролегаетъ вдоль самаго берега, пересѣкая массу рѣкъ въ недалекомъ разстояніи отъ ихъ устьевъ. Поэтому тотъ, кто будетъ владѣть водами Ботническаго залива, можетъ совершенно преградить доступъ сухопутнымъ силамъ изъ Швеціи въ Финляндію и обратно, а если таковая сила все-таки перебралась съ одного берега на другой, то владѣющій моремъ можетъ ее отрѣзать отъ своей базы.

Такимъ образомъ ясно, что для того, чтобы не позволить шведамъ принять участіе въ нашей войнѣ съ Германіей, чтобы не дать ей возможность обезсилить нашу армію на главномъ театрѣ—западномъ, мы должны владѣть моремъ, и опять-таки главный участокъ моря, на которомъ мы должны быть хозяевами, будетъ пространство между Аландскими островами и островами Эзель и Даго.

Еще болѣе мы будемъ обезпечены отъ нападенія Швеціи, если мы будемъ имѣть возможность грозить вторженіемъ нашей сухопутной силы въ ея предѣлы. Но опять-таки самый удобный и быстрый путь для

такого вторженія—морской, а для этого намъ надо владѣть моремъ. А если мы моремъ владѣть не будемъ, то кружный путь по берегу Ботническаго залива, помимо другихъ своихъ неудобствъ, окажется столь уязвимымъ, что понадобится огромное число сухопутныхъ войскъ для защиты этой длинной коммуникаціонной линіи, т. е. тогда непріятельскій флотъ, владѣющій моремъ, обезсилитъ нашу армію.

Самостоятельно Швеція можетъ выступить противъ насъ, въ случаѣ возстанія въ Финляндіи, для его поддержки. Опять-таки это окажется для нея невозможнымъ и возстаніе будетъ лишено всякой матеріальной поддержки извнѣ при владѣніи нами моремъ, и это же владѣніе моремъ дастъ намъ въ руки наиболѣе надежное средство удержать Швецію отъ такихъ выступленій—это угроза вторженія нашей сухопутной силы въ предѣлы Швеціи въ наиболѣе населенныя и богатыя ея южныя провинціи, угроза захвата ея столицы, которая лежитъ на самомъ берегу моря.

То же владѣніе моремъ явится превосходнымъ средствомъ противъ нападенія на насъ Германіи, и именно оно намъ дастъ возможность вести наступательную войну, въ случаѣ столкновенія съ нею, обезпечивъ нашу коммуникаціонную линію отъ ударовъ изъ Восточной Пруссіи.

Положеніе нашей арміи на Балтійскомъ театрѣ—неустойчивое.

Резюмирую теперь положеніе нашей арміи на Балтійскомъ театрѣ при условіи, что моремъ владѣетъ противникъ.

Я бы назвалъ это положеніе *неустойчивымъ*, тревожнымъ, такимъ положеніемъ, при наличіи котораго нѣтъ увѣренности—достигнетъ-ли цѣли та или иная мѣра, ведущая къ усиленію и усовершенствованію арміи.

А эта *неувѣренность*, въ свою очередь, ведетъ къ нерѣшительности, къ извѣстной вялости въ мѣропріятіяхъ...

Какъ хотите, приходится поневолѣ каждое мѣропріятіе воздвигать на фундаментѣ, зыбкость котораго все-таки, такъ или иначе, чувствуется... А такъ какъ нѣтъ еще достаточно прочно и безспорно утвердившагося представленія объ этой зыбкости, то иногда просто отбрасываютъ навязчивую мысль объ этой зыбкости, скрѣпя сердце, закрываютъ на нее глаза, стараются себя увѣрить, что почва достаточно тверда...

А она все-таки зыбкая...

Вѣдь вотъ долгими годами и огромными усиліями создавали планъ противодѣйствія германскому вторженію, и добились того, что наконецъ поставили передъ противникомъ очень трудно для него разрѣшимую задачу:

1) загнали его главныя силы въ узкую полосу между моремъ и Царствомъ Польскимъ;

2) посредствомъ передовой линіи крѣпостей, съ плацдармомъ на правомъ ея флангѣ, сдѣлали для противника невозможнымъ немедленное движеніе впередъ, для него страшно важное и необходимое, — иначе поспѣетъ мобилизироваться и развернуться наша армія на линіи Брестъ-Литовскъ—Ковно;

3) принудили германскую армію, послѣ преодолѣнія всѣхъ этихъ препятствій, двигаться вглубь Россіи, оставляя за собой сухопутную коммуникаціонную линію огромной длины—въ 1.000 верстъ, а это потребовало-бы у противника такого огромнаго превосходства силъ, что, пожалуй, для такого способа борьбы у него силы-бы не хватило, и этимъ и обезпечивался нашъ миръ на западной нашей границѣ.

И вдругъ вѣра въ этотъ планъ оказалась поколебленной...

Вспомните, какой широкой волной прокатился по военному общественному мнѣнію—и волна эта отразилась и въ печати—проектъ, сущность котораго заклю-

чалась въ томъ, чтобы бросить на произволъ судьбы все Царство Польское, срыть тамъ всѣ наши крѣпости (иначе ими могъ воспользоваться противникъ), и отнести раіонъ сосредоточенія нашей арміи далеко назадъ..... Ужъ состоялись по этому поводу извѣстныя рѣшенія, уже готовились къ выполненію этихъ идей....

А потомъ отказались отъ этого намѣренія... Да и какъ было не отказаться! Вѣдь предоставляя противнику безъ боя огромную территорію, рисковали тѣмъ, что онъ, занявъ ее, и не пойдетъ дальше, и намъ не отнять потомъ отъ него эту территорію, и, значитъ, могло придтись помириться съ окончательной ея потерей....

И мы остались на прежнихъ позиціяхъ, но неувѣренность въ ихъ твердости все даетъ себя знать.

И я позволю себѣ высказать мой взглядъ, что неувѣренность эта проистекаетъ отнюдь не изъ за извѣстной устарѣлости нашихъ крѣпостей. И устарѣлыя крѣпости могутъ долго держаться, и ихъ можно обновить, затративъ лишь на это необходимыя средства.

И разъ это *дѣйствительно* возстановитъ наше прежнее положеніе, то нельзя себѣ и представить, чтобы эти деньги не были даны государствомъ!

Но вотъ тутъ-то и воспрянулъ вопросъ — дѣйствительно-ли это обновленіе крѣпостей спасетъ положеніе?

Вотъ тутъ-то и поднялись неотвязчивые вопросы — а стоитъ-ли на это затратить огромныя суммы, — полное-ли это рѣшеніе вопроса?

Вотъ въ этихъ сомнѣніяхъ и причина колебаній... Зыбкая почва дала себя знать,

А причина этого колебанія почвы — не устарѣлость крѣпостей, а тотъ фактъ, что послѣ войны съ Японіей мы совершенно обезсилѣли на морѣ... Одна сторона пресса, выдавливавшаго германскую армію въ наши предѣлы по опредѣленному, тщательно нами приготовленному для обороны, пути, отнята, а потому въ зна-

чительной мѣрѣ потеряла свое значеніе и другая половина пресса — позиція нашей арміи на передовомъ участкѣ западнаго театра войны.

Германцы получили возможность направить свой ударъ въ нашъ тылъ, даже на Петербургъ; они получили возможность легко добраться до столь удобной для нихъ базы, какъ Финляндія...

И дѣйствительно, какъ трудно нашей арміи имъ противодѣйствовать, имѣя въ своемъ тылу такіе длинные, врѣзывающіеся въ глубь территоріи, водяные мѣшки какъ Рижскій, и въ особенности Финскій заливы (см. стр. 18).

А сколь неустанно и тщательно Германія готовится къ десантнымъ операціямъ, я уже указалъ выше. Я указалъ также, что и нашъ Главный Штабъ слѣдилъ и отмѣчалъ эту эволюцію въ германскихъ планахъ вторженія....

Но дѣло въ томъ, что такая мысль еще не вошла въ обычный обиходъ мышленія *толщи* нашей арміи, еще объ этомъ мало думаютъ, и когда приходитъ въ голову эта навязчивая мысль, стараются отогнать ее отъ себя, какъ навязчивую муху...

А это очень опасно. Надо совершенно сознательно оцѣнивать положеніе, надо глядѣть опасности прямо въ лицо, и только тогда и можно надѣяться, что эта опасность будетъ устранена.

И когда *во всю толщу* нашей арміи проникнетъ совершенно ясно сознаніе—*что*, собственно, она потеряла съ потерей нашего флота, въ какое неустойчивое и опасное положеніе она попала изъ-за неоспоримаго господства нѣмцевъ на Балтійскомъ морѣ, когда армія *вся* почувствуетъ, что почва дѣйствительно колеблется подъ ея ногами,—вотъ тогда армія *первая*, а за нею и вся страна, которая привыкла класть всю свою надежду на армію, *потребуетъ, чтобы флотъ былъ*, и тогда, и только тогда, онъ дѣйствительно и будетъ.

Вотъ заронить эту мысль въ самое сердце арміи, въ избранныхъ отъ всѣхъ ея частей людей и составляетъ, для меня лично, задачу настоящаго моего сообщенія.

Вѣдь ужасно трудно идти впередъ по зыбкой почвѣ.. Изъ-за неувѣренности въ дѣйствительной цѣлесообразности часто опускаются руки.

А вѣдь тутъ армія можетъ сколько угодно совершенствовать свое обученіе, оружіе, быстроту мобилизаціи, можетъ сколько угодно увеличивать сѣть столь необходимыхъ для нея желѣзныхъ дорогъ, а *проклятый вопросъ о возможности обхода со стороны моря*, о необезпеченности тыла, о необходимости метаться изъ стороны въ сторону въ погонѣ за вездѣсущимъ, благодаря морю, врагомъ—все будетъ висѣть надъ головой, и въ значительной мѣрѣ будетъ сковывать энергію и творчество...

Арміи для свободнаго развитія своей мощи надо обезпечить себѣ спокойствіе и увѣренность, а для этого нѣтъ тѣхъ средствъ, которыя могли-бы замѣнить флотъ, разъ театръ войны прилегаетъ къ морю.

Я съ такою подробностью остановился на значеніи для нашей арміи владѣнія нашимъ флотомъ водами Балтійскаго моря, что о другихъ театрахъ войны — черноморскомъ и дальневосточномъ остается сказать всего нѣсколько словъ—иначе пришлось-бы повторить то-же самое.

Значеніе русскаго флота на Черномъ морѣ.

Черноморскій театръ военныхъ дѣйствій представляетъ такія-же выгоды для владѣющаго моремъ, какъ и Балтійское море.

Если водами Чернаго моря будетъ владѣть нашъ противникъ, то для нападенія его морской силы и для вторженія его сухопутныхъ войскъ будетъ открыто все наше побережье, а вслѣдствіе этого мы принуждены будемъ отвлечь для защиты этого побережья значительное число нашихъ войскъ, т. е. значитъ отсутствіе у насъ флота обезсилитъ нашу армію и дастъ свободу дѣйствій сухопутной силѣ противника.

Если австрійскій флотъ появится въ Черномъ морѣ и овладѣетъ его водами, армія наша можетъ оказаться настолько обезсиленной, что не только не въ состояніи будетъ вторгнуться въ австрійскіе предѣлы, но и для веденія оборонительной войны она будетъ поставлена въ очень неблагопріятныя условія вслѣдствіе постоянной угрозы ея лѣвому флангу и тылу, въ особенности при болѣе чѣмъ вѣроятной помощи Австріи со стороны Румыніи.

Черноморскій театръ войны можетъ имѣть значеніе и при единоборствѣ нашемъ съ Германіей. Нѣмецкій флотъ столь превосходитъ въ настоящее время по силѣ нашъ Балтійскій, что для безспорнаго владѣнія водами Балтійскаго моря достаточно будетъ и части этого флота, а другая часть можетъ войти въ Черное море, чтобы отвлечь отъ нашей сухопутной силы еще значительную ея часть для защиты южнаго нашего побережья.

Во всякомъ случаѣ нѣмцы не преминутъ прекратить и южную нашу морскую торговлю, и такимъ образомъ отдѣлятъ насъ отъ удобнаго сообщенія со всей Европой.

Можетъ возникнуть вопросъ — не остановятъ ли австрійскій и германскій флоты трактаты о закрытіи проливовъ?

Надѣяться на это было бы болѣе чѣмъ опасно. Едвали турки рѣшаться силой воспрепятствовать проходу этихъ флотовъ, не говоря уже про то, что Турція легко можетъ оказаться въ числѣ ихъ союзниковъ.

Также громадное вліяніе на быстроту и легкость веденія операцій сухопутныхъ нашихъ силъ, окажетъ владѣніе нами моремъ при войнѣ съ Турціей. Не говоря ужъ о возможности въ этомъ случаѣ направить нашу сухопутную силу для захвата столицы, и дѣйствія нашей арміи въ малой Азіи могутъ получить огромную помощь со стороны моря и могутъ встрѣтить огромныя препоны, если моремъ будетъ владѣть нашъ противникъ.

Европейскія владѣнія Турціи долго не продержатся, если будетъ отрѣзано ихъ сообщеніе съ азіатскими ея владѣніями, отъ которыхъ она зависитъ и въ отношеніи комплектованія своей сухопутной силы, и въ отношеніи продовольствія. А сообщенія эти, вслѣдствіе слабаго развитія желѣзныхъ дорогъ въ Малой Азіи, главнымъ образомъ морскія, а при завладѣніи азіатскимъ берегомъ Мраморнаго моря они должны прекратиться совсѣмъ. Но путь по сушѣ къ этому берегу отъ нашей кавказской границы слишкомъ длиненъ, и несравненно болѣе удобенъ морской путь для направленія туда нашей сухопутной силы.

А между тѣмъ въ настоящее время мы идемъ къ тому, чтобы оказаться безсильными на морѣ и противъ Турціи. Турція пріобрѣтаетъ покупкой два современныхъ броненосца въ Бразиліи[1]), и еще заказываетъ три такихъ-же въ Англіи, а наши только-что вошедшіе въ строй черноморскіе броненосцы, „Іоаннъ Златоустъ“ и „Евстафій“ начаты постройкой задолго до войны (см. стр. 14), и даже когда ихъ начинали постройкой, они уже были устарѣлаго типа, и теперь, въ случаѣ борьбы съ новыми турецкими броненосцами, они, можно смѣло сказать, просто не имѣютъ никакого боевого значенія. А новыхъ броненосцевъ у насъ въ Черномъ морѣ не строятъ.

---

[1]) Въ Апрѣлѣ 1910 г., когда дѣлалось это сообщеніе, вопросъ о покупкѣ Турціей бразильскихъ броненосцевъ и заказѣ броненосцевъ въ Англіи считался рѣшеннымъ. Теперь оказалось, что Турція купила 4 устарѣлыхъ броненосца у Германіи. Едва-ли это должно насъ успокоивать. Германіи, имѣя въ виду насъ, конечно было выгоднѣе, чтобы турки обзавелись новѣйшими бреноносцами, такъ какъ это сводило нашъ черноморскій флотъ къ нулю, но вмѣстѣ съ тѣмъ Германія не удержалась отъ искушенія выгодной сдѣлки—сбыть туркамъ за хорошую цѣну свои старые броненосцы, которые, по Германскому закону о флотѣ, подлежатъ въ будущемъ (1911) году исключенію изъ списковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ упорно держатся слухи о вступленіи Турціи въ тройственный союзъ, и, если это осуществится, Турецкій флотъ пока будетъ поддержанъ австрійскимъ, а затѣмъ союзники не замедлятъ потребовать отъ Турціи усиленія ея флота болѣе современными судами. Сдѣлаетъ это и сама Турція, какъ только раздобудется деньгами, такъ какъ стремленіе ея къ возстановленію своей морской силы не подлежитъ сомнѣнію.

Н. Кладо.

Значеніе морской сил на дальнев сточномъ театрѣ войны.

Остается теперь еще разсмотрѣть значеніе морской силы на дальневосточномъ театрѣ войны, все съ той же точки зрѣнія—способности ея усилить свою армію и обезпечить ей свободу дѣйствій и обезсилить и связать свободу дѣйствій арміи противника.

Минувшая война сдѣлала столь нагляднымъ это значеніе, что едва-ли есть особая необходимость распространяться по этому поводу, тѣмъ болѣе, что собственно придется въ общемъ повторять тоже самое, что было сказано по отношенію къ Балтійскому и Черноморскому театрамъ войны.

Поэтому остановлюсь только въ нѣсколькихъ словахъ на вопросѣ—уменьшилось-ли теперь значеніе владѣнія моремъ на дальнемъ востокѣ послѣ того какъ японцы окончательно утвердились въ Кореѣ?

Едва-ли. Сколь-бы ни велики были собранные здѣсь запасы, все-таки не перевезутъ-же они всѣ свои военные ресурсы въ Корею? Все-таки главныя ихъ сухопутныя силы и средства будутъ находиться на Японскихъ островахъ. Все-таки во время войны имъ понадобится значительный подвозъ изъ Европы или Америки, какъ это было и въ минувшей войнѣ. А тогда возможность перерыва морскихъ сообщеній неминуемо отразилась-бы самымъ ощутительнымъ образомъ на мощности японской арміи и на всѣхъ ея операціяхъ. Поэтому все таки лучшимъ средствомъ противъ Японіи остается морская сила, способная заручиться обладаніемъ на морѣ. А такъ какъ этой силы у насъ нѣтъ, то приходится—или мириться съ нашей почти полной беззащитностью на дальнемъ востокѣ, или держать тамъ огромное количество сухопутныхъ войскъ, что также намъ непосильно. Въ результатѣ наше положеніе тамъ крайне не устойчиво. Мы строимъ Амурскую желѣзную дорогу, заводимъ для защиты ея флотилію на Амурѣ, но какъ только японцы введутъ въ Амуръ флотилію болѣ сильную, чѣмъ наша, и завладѣютъ его теченіемъ, Амурская дорога потеряетъ всякое значеніе. Владивостокъ,

расположенный на концѣ длиннаго полуострова, безъ наличія морской силы тоже не имѣетъ значенія, такъ какъ можетъ быть легко отрѣзанъ, и безъ маневренной крѣпости въ Никольскѣ-Уссурійскомъ обойтись нельзя, чтобы оборонять Пріамурскую область. Но эта оборона станетъ сейчасъ же призрачной, какъ только японцы завладѣютъ теченіемъ Амура, или подойдутъ къ Хабаровску по долинѣ рѣки Сунгари. Такимъ образомъ отсутствіе морской силы на дальнемъ востокѣ дѣлаетъ положеніе нашихъ сухопутныхъ войскъ крайне неустойчивымъ и при оборонѣ. Тѣмъ болѣе это будетъ ощутительно, когда по тѣмъ или инымъ причинамъ возникаетъ мысль о наступленіи при войнѣ съ Японіей—въ Корею, или при войнѣ съ Китаемъ—на Пекинъ. Корея съ трехъ сторонъ окружена моремъ. Одинъ берегъ ея—восточный трудно доступенъ, и единственная дорога идетъ вдоль берега моря. Къ западному берегу текутъ ея рѣки и къ этому берегу выходятъ устьями цѣлый рядъ долинъ, образуемыхъ поперечными отрогами цѣпи горъ, которая тянется по восточному берегу. При такой конфигураціи берега понятно, что всѣ преимущества, какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ, будетъ имѣть тотъ изъ противниковъ, который владѣетъ моремъ, и при этомъ владѣніи незначительная даже по численности армія можетъ съ успѣхомъ оборонять Корею противъ гораздо болѣе сильнаго по численности противника.

Также и при наступленіи на Пекинъ. Пока единственная дорога туда идетъ вдоль самаго берега Печилійскаго залива, безъ владѣнія моремъ двигаться по этой дорогѣ будетъ немыслимо. Конечно возможность всѣхъ этихъ наступательныхъ движеній для насъ дѣло столь отдаленнаго будущаго, что быть можетъ къ тому времени уже война будетъ рѣшаться въ воздухѣ, и тогда все будетъ зависить отъ воздушнаго флота, а теперь всѣ эти соображенія приводятся лишь для того, чтобы показать, что при комбинаціи военной силы изъ двухъ

элементовъ: силы—сухопутной и морской, какой бы театръ военныхъ дѣйствій мы ни разсматривали, и какія бы ни разсматривали операціи на этомъ театрѣ— оборонительныя и наступательныя,—выводъ все получается одинъ—армія одними своими силами обойтись не можетъ, и чтобы рѣшить спорный вопросъ наиболѣе экономичнымъ и быстрымъ образомъ, чтобы сломить сухопутную силу противника, она должна имѣть своимъ помощникомъ флотъ, который будетъ вливать въ нее особую мощь, недоступную для нея при помощи какихъ угодно другихъ средствъ, и будетъ самымъ существеннымъ образомъ обезсиливать армію противника.

Флотъ непосредственно самъ безсиленъ противъ сухопутной силы, рѣшающей обыкновенно судьбы вооруженныхъ столкновеній между народами, но онъ играетъ огромную роль въ подготовкѣ этого рѣшенія, подготовляя своей арміи успѣхъ, а непріятельской—пораженіе.

III. Значеніе морской силы для Россіи въ ея историческомъ прошломъ.

Выводъ важнаго значенія для насъ флота, какъ *необходимаго* помощника арміи, отсутствіе котораго армія не можетъ возмѣстить никакой своей численностью и подготовкой театра войны, я основывалъ до сихъ поръ только на изслѣдованіи современной обстановки войнъ Россіи съ возможными ея противниками.

Но очевидно, что если этотъ выводъ вѣренъ, то онъ долженъ былъ подтвердиться много разъ въ нашемъ историческомъ прошломъ—иначе онъ не былъ бы достоинъ довѣрія, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о *сущности* морской силы, объ естественныхъ ея свойствахъ, которыя не могутъ мѣняться съ измѣненіемъ обстановки и могутъ лишь иначе проявляться. И доказать эти присущія морской силѣ свойства совсѣмъ не трудно и историческими фактами.

аступательныя войны оссіи, которыя соответтвовали наіональнымъ нтересамъ, являлись лѣдствіемъ виженія къ морю.

Прежде всего, едва ли можно оспаривать тотъ фактъ, что съ того момента, какъ Россія свергла татарское иго и объединилась въ одно крѣпкое государство, всѣ ея помыслы были направлены къ достиженію морскихъ береговъ. Если исключить тѣ войны, которыя мы вели для „поддержанія чужихъ троновъ", т.-е. войны, противныя національнымъ интересамъ, то почти всѣ остальныя наступательныя войны, которыя преслѣдовали національные интересы, имѣли цѣлью пробиться къ тому или другому морю.

По исчисленію генерала Куропаткина [1]) „за два столѣтія внѣшнія войны, въ цѣляхъ выхода къ морямъ— Балтійскому и Черному, сопровождались слѣдующимъ напряженіемъ силъ. По выходу къ Черному морю въ борьбѣ съ Турціей участвовали $3^1/_2$ милліона бойцовъ и мы потеряли до 750 тысячъ человѣкъ. По выходу къ Балтійскому морю въ борьбѣ со Швеціей участвовало 1.800 тысячъ человѣкъ, и мы потеряли до 700 тысячъ человѣкъ".

Даже и отечественная война, которая была войной оборонительной, возникла изъ невозможности для насъ подчиниться континентальной системѣ Наполеона, посягавшей на свободу нашей морской торговли. Россія, какъ и всякая другая страна, задыхалась отъ невозможности дышать черезъ море.

Русская мія тяжелыми жертвами завоевала себѣ раво пользоваться омощью флота.

И эти огромныя жертвы имѣли важную цѣль. Великая держава не можетъ существовать безъ возможности пользоваться морскими путями сообщенія. Черезъ море дышатъ государства и чѣмъ дальше, тѣмъ большую роль играютъ моря, переплетая интересы самыхъ отдаленныхъ государствъ, сближая ихъ другъ съ другомъ, освобождая ихъ отъ зависимости отъ непосредственныхъ своихъ сосѣдей.

И послѣ того какъ армія принесла такія огромныя жертвы на добываніе этихъ морей, она должна имѣть

[1]) «Итоги войны», стр. 22.

возможность, или вѣрнѣе она должна имѣть „право“ извлечь изъ нихъ пользу и въ военномъ отношеніи, она должна имѣть возможность пользоваться той огромной помощью, которую ей можетъ оказать флотъ какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ, такъ какъ флотъ, какъ мы видѣли выше, вливаетъ силу въ свою армію и обезпечиваетъ ей свободу дѣйствій и обезсиливаетъ армію противника и связываетъ свободу ея дѣйствій.

Эти огромныя жертвы, принесенныя русской арміей для добыванія морей для Россіи и для защиты ея права ими пользоваться, въ значительной мѣрѣ облегчались, какъ только создавалась у насъ морская сила и начинала помогать арміи, и какъ только этой морской силы почему-либо не оказывалось, армія должна была страшно напрягать свои силы и все-таки иногда ей приходилось отказываться отъ возможности достиженія поставленныхъ себѣ цѣлей.

Какъ морская с помогал русско арміи.

Только созданіе донской рѣчной флотиліи дало возможность Петру взять Азовъ, тогда какъ попытка осилить его безъ содѣйствія флота окончилась неудачей. Также и Полтавская побѣда не рѣшила нашей войны съ Швеціей. Только удары нашей арміи, нанесенные шведамъ на ихъ собственной территоріи, до которой Петръ могъ добраться только съ помощью созданнаго имъ на Балтійскомъ морѣ флота, заставили ихъ подписать миръ въ Ништадтѣ. Флотъ во время этой войны облегчилъ нашей арміи и защиту вновь основаннаго Петербурга, и занятіе Финляндіи и прибалтійскихъ провинцій. Всѣ попытки турокъ выбить насъ съ береговъ Чернаго моря при Екатеринѣ II-й разбились о нашъ черноморскій флотъ, который, не допустивъ ни одной высадки турокъ на берега Крыма и помощи ихъ крѣпости Очакову въ днѣпровскомъ лиманѣ, далъ возможность нашей арміи прочно утвердиться на этихъ берегахъ. Операціи нашей арміи на Дунаѣ полны случаями самой существенной помощи, которую оказывали ей наши рѣчныя флотиліи.

Помимо этого, русскій балтійскій флотъ отвлекалъ силы турокъ, дѣйствуя противъ турецкихъ береговъ со стороны Средиземнаго моря.

Таковы были дѣйствія русской эскадры въ Архипелагѣ въ 1770 году, подъ начальствомъ графа Орлова Чесменскаго, увѣнчавшіяся уничтоженіемъ турецкаго флота при Чесмѣ.

Также въ 1807 году эскадра изъ судовъ Балтійскаго флота подъ начальствомъ Сенявина, блокируя Дарданеллы, довела населеніе Константинополя до голоднаго бунта, который привелъ къ перемѣнѣ правительства, и разбила турецкій флотъ при Аѳонѣ.

тербургъ за раза ъ спасенъ юрской лой отъ ахвата ведами.

Въ 1788 году только благодаря флоту Петербургъ избѣгъ возможности быть захваченнымъ шведами, и если это не удалось, то только потому, что шведскій король слишкомъ поторопился и слишкомъ низко цѣнилъ русскій балтійскій флотъ.

Такъ какъ этотъ случай имѣетъ много сходства съ возможностью захвата Петербурга нѣмцами, то я остановлюсь на немъ нѣсколько подробнѣе.

Обстановка весной 1788 года была такая. Армія была отправлена на югъ для борьбы съ турками. Балтійскій флотъ долженъ былъ отправиться въ Средиземное море для отвлеченія части турецкихъ силъ къ югу. Первый отрядъ этого флота уже покинулъ Балтійское море. И вотъ въ этотъ моментъ шведскій король совершенно внезапно предъявляетъ Екатеринѣ II-й цѣлый рядъ совершенно непріемлемыхъ требованій и объявляетъ намъ войну. Шведскій планъ захвата Петербурга состоялъ въ слѣдующемъ. Шведская армія должна была двигаться по сѣверному берегу Финскаго залива и этимъ привлечь на сѣверъ отъ Петербурга всѣ наличныя русскія сухопутныя силы. Вмѣстѣ съ арміей на правомъ ея флангѣ двигалась шведская гребная флотилія, которая подъ прикрытіемъ корабельнаго флота должна была въ удобный моментъ принять шведскую армію и перебросить ее на южный берегъ Финскаго

залива въ окрестностяхъ Петербурга. Очевидно наши сухопутныя войска не поспѣли бы обогнуть Финскій заливъ сухимъ путемъ, не только для воспрепятствованія высадкѣ шведовъ, но и для защиты Петербурга, и ему дѣйствительно грозила огромная опасность, если бы шведскій король не поторопился и далъ бы выйти изъ Балтійскаго моря всему нашему флоту.

Сначала дѣла шведовъ пошли очень хорошо. Все, что въ Петербургѣ было способно носить оружіе, было спѣшно отправлено на сѣверную границу. Для быстроты войска везли на подводахъ. За отсутствіемъ кавалеріи, таковую формировали изъ ямщиковъ. Присутственныя мѣста и Дворъ укладывали наиболѣе цѣнное на случай необходимости покинуть Петербургъ.

Но вдругъ весь планъ шведовъ оказался опрокинутымъ. Произошло это потому, что въ море вышла изъ Кронштадта та эскадра, которая была предназначена для отправленія въ Средиземное море, и за островомъ Гогландомъ она вступила въ бой съ шведскимъ корабельнымъ флотомъ и принудила его къ отступленію въ Свеаборгъ, гдѣ и заблокировала его. Такимъ образомъ нашъ флотъ пріобрѣлъ господство надъ водами Финскаго залива и шведы своей арміи на южный берегъ перебросить не могли. Тотъ же планъ былъ у шведовъ и въ 1790-мъ году, но и тогда онъ имъ не удался изъ-за того, что они не могли одолѣть нашего балтійскаго флота. А если бы имъ удалось захватить господство надъ водами Финскаго залива, планъ захвата ими Петербурга имѣлъ бы всѣ шансы на удачу, какъ это можетъ удаться и нѣмцамъ, если наша морская сила не будетъ въ состояніи бороться за обладаніе этими водами. И какъ тогда Петербургъ былъ оголенъ отъ войскъ, занятыхъ войной съ турками, такъ и теперь, при опредѣлившейся неизбѣжности войны съ Германіей, всѣ наши сухопутныя силы будутъ стянуты въ Привислинскій край.

Значеніе флота въ восточной войнѣ.

Въ восточную войну 1854—55 года флотъ нашъ изъ-за своей устарѣлости принужденъ былъ запереться въ портахъ. А тогда пришлось плохо и арміи. Союзники высадили свою армію въ Крыму и свободно снабжали ее моремъ всѣмъ необходимымъ, тогда какъ снабженіе русской арміи сухимъ путемъ шло гораздо хуже. Кромѣ того, сильный союзный флотъ появился и въ Финскомъ заливѣ и угрозой высадки на наши берега не позволилъ направить на югъ достаточныхъ подкрѣпленій.

Такимъ образомъ, союзный флотъ обезсилилъ нашу армію и вливалъ силу въ свою армію и обезпечилъ ей свободу дѣйствій. Очевидно безъ владѣнія моремъ Англія и Франція совсѣмъ не могли воевать съ нами, такъ какъ общей сухопутной границы у насъ съ ними не было.

Значеніе флота въ русско-турецкой войнѣ.

Въ 1877—78 годахъ у насъ все еще не было флота на Черномъ морѣ, и это отразилось чрезвычайно тяжело на работѣ арміи. Ей пришлось преодолѣвать огромныя трудности, переходить зимой черезъ Балканы, тогда какъ при господствѣ нашего флота на Черномъ морѣ могъ быть выбранъ болѣе легкій путь вдоль его берега, не говоря уже о непосредственномъ ударѣ на Константинополь въ тылъ турецкой арміи, и, кромѣ того, мы могли не позволить туркамъ получать подкрѣпленія и продовольствіе изъ ея областей, отдѣленныхъ отъ европейской Турціи моремъ. Все это въ значительной мѣрѣ обезсилило бы турецкую армію и сократило бы продолжительность и трудность для насъ войны.

Кромѣ, того изъ-за превосходства турокъ на морѣ, два корпуса было отдѣлено для защиты нашего побережья. Вотъ на сколько была ослаблена наша армія изъ-за отсутствія у насъ флота.

Такимъ образомъ, турецкій флотъ, хотя онъ *видимаго* участія въ этой войнѣ почти не принималъ, но только его наличіе, при неимѣніи у насъ флота, увеличило мощь турецкой арміи, обезпечивъ ей продовольствіе и подкрѣпленія, а также ея тылъ и правый флангъ. На-

конецъ, когда наша армія, преодолѣвъ всѣ трудности, съ огромными потерями и жертвами, дошла до своей завѣтной цѣли—до Константинополя, дорогу ей преградилъ англійскій флотъ, лишивъ ее такимъ образомъ плодовъ ея побѣдъ.

„Въ двѣ послѣднихъ большихъ войны прошлаго столѣтія“ говоритъ генералъ Куропаткинъ [1]) „мы особенно нуждались въ содѣйствіи флота, но матеріальная отсталость обратила нашихъ моряковъ подъ Севастополемъ въ сухопутныя войска, а въ войну 1877—78 г. г. мы боролись съ турками не имѣя флота на Черномъ морѣ“.

Значеніе морской си. въ русско японской войнѣ.

Послѣдняя наша война совсѣмъ не имѣла бы мѣста, если бы японцы не разсчитывали справиться съ нашей морской силой.

„Если бы нашъ флотъ,—говоритъ генералъ Куропаткинъ [2]),—одержалъ успѣхъ надъ японскимъ, то и военныя дѣйствія на материкѣ стали бы излишними... Ставъ хозяйкой на моряхъ, Японія получила возможность быстро подвозить моремъ къ арміямъ всѣ необходимые для нихъ запасы. Перевозка даже огромныхъ тяжестей, требовавшихъ для перевозки къ нашей арміи по слабой желѣзной дорогѣ мѣсяцы времени, исполнялась японцами въ нѣсколько дней. Но что не менѣе важно—Японія, при господствѣ на морѣ и почти бездѣятельности нашего флота, безпрепятственно получала въ японскіе порты и арсеналы, заказанные ею въ Европѣ и Америкѣ, оружіе, боевые, продовольственные запасы, лошадей и скотъ... Въ войнѣ съ Японіей, по преимуществу морскою державой, главное мѣсто должно было принадлежать дѣйствіямъ не на сушѣ, а на морѣ“.

Къ этимъ словамъ прибавлять собственно нечего. Японскій флотъ вливалъ огромную мощь въ свою армію, и обезсилить ее могъ только нашъ флотъ.

Каждый день содержаніе нашей арміи на манджур-

[1]) „Итоги войны“ стран. 68.
[2]) „Итоги войны“, стр. 146, 147 и 155.

скомъ театрѣ войны стоилъ около двухъ милліоновъ рублей, т.-е. за каждые 10 дней мы могли имѣть броненосецъ, а лишній годъ войны, помимо гибели нашего флота, стоилъ намъ столько же, сколько стоили 36 броненосцевъ. И если бы такой флотъ у насъ существовалъ, то войны не было бы совсѣмъ, или она окончилась бы очень быстро.

Принято говорить, что мы навѣрно бы побѣдили, если бы у насъ было двѣ колеи на Сибирской желѣзной дорогѣ.

Въ этомъ позволительно усомниться. Надо вѣдь помнить, что японцы еще далеко не извлекли изъ своего господства надъ моремъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя оно способно было имъ дать. Армія наша все-таки смотрѣла только впередъ, и не заботилась до конца войны о своемъ лѣвомъ флангѣ и тылѣ. Но это было до тѣхъ поръ, пока японцы не высадились въ Приморской области и не проникли въ Амуръ. И какъ только явилась бы угроза этого, нашей арміи пришлось бы немедленно или отступить въ Забайкалье, или отдѣлить огромныя силы для защиты своихъ путей сообщенія, своего лѣваго фланга и тыла, а тогда можетъ быть и четыре колеи не были бы достаточны, чтобы снабжать эту массу всѣмъ необходимымъ, не говоря уже о томъ, что и четыре колеи могли бы быть перерѣзаны, разъ японцы утвердились бы въ нашемъ тылу съ помощью рѣкъ и рѣчныхъ флотилій. А у насъ на Амурѣ тогда ничего не было, кромѣ нѣсколькихъ несчастныхъ баржъ, вооруженныхъ допотопной и совершенно открыто поставленной артиллеріей, которыя могли передвигаться лишь съ помощью буксирныхъ пароходовъ.

Какія слѣдствія огло бы ѣть сознаіе, что одъ войны › Японіей ѣликомъ иситъ отъ ладѣнія иоремъ.

Если бы наше правительство отдало бы себѣ ясный отчетъ въ томъ значеніи, которое имѣетъ морская сила въ этой войнѣ, то оно никакъ не могло бы, зная состояніе нашего флота, довести дѣло до войны,—надо было идти на уступки. Но въ томъ-то и дѣло, что не было у насъ тогда, ни у правительства, ни въ обществѣ, сознанія всей обширности значенія морской силы вообще, и для этой войны въ частности. Также соста-

вилось у правительства совершенно ложное мнѣніе о силѣ нашей тихоокеанской эскадры, по сравненію съ японскимъ флотомъ.

А такое мнѣніе внушили правительству тѣ люди, которые, казалось бы, должны были отдавать себѣ отчетъ въ истинномъ положеніи дѣлъ, а именно въ Петербургѣ — морское министерство, а на Дальнемъ Востокѣ—намѣстникъ, адмиралъ Алексѣевъ.

Самоувѣре ность невѣжд

Какъ говоритъ генералъ Куропаткинъ въ своемъ отчетѣ [1]), „по указанію намѣстника генералъ-адъютанта Алексѣева, въ основаніе плана стратегическаго развертыванія войскъ Дальняго Востока было принято въ 1903 году, *что при настоящемъ соотношеніи силъ нашего и японскаго флотовъ—возможность пораженія нашего флота не допускается, и что высадка японцевъ въ Инкоу и въ Корейскомъ заливѣ немыслима*".

Такимъ образомъ, правительство было введено этимъ заявленіемъ въ явное заблужденіе. Не вывело его изъ этого заблужденія и морское министерство въ Петербургѣ. Несмотря на возможность столкновенія съ Японіей и на то, что въ Невѣ стояла цѣлая недостроенная эскадра новѣйшихъ кораблей, предназначенныхъ спеціально для усиленія эскадры Тихаго океана, не предпринималось никакихъ мѣръ къ ускоренію этой постройки, къ приведенію въ исправность уже находившихся въ строю кораблей и къ заготовленію для нихъ боевыхъ запасовъ. Когда одинъ изъ офицеровъ, служившихъ въ главномъ морскомъ штабѣ, въ ноябрѣ 1903 года подалъ начальнику штаба докладную записку о необходимости экстренныхъ работъ по приведенію балтійскаго и строющагося флота въ боевую готовность, эта записка была ему возвращена съ самыми обидными для него резолюціями начальства. Самоувѣренность руководителей флота дошла до того, что когда изъ Италіи имъ было сдѣлано предложеніе о

[1]) „Итоги войны", стр. 146 и 157.

покупкѣ двухъ превосходныхъ, только-что выстроенныхъ на знаменитомъ заводѣ Ансальдо, броненосцевъ, они отвергли это предложеніе, какъ было отвергнуто ими и предложеніе нѣмцевъ уступить для Портъ-Артура огромный плавучій докъ, предназначенный для Кіо-Чау. Подобныя предложенія сыпались тогда со всѣхъ сторонъ, и до войны пріобрѣсти все это было чрезвычайно легко, а во время войны, когда схватились за умъ, ничего уже не могли сдѣлать, хотя и переплатили массу денегъ всевозможнымъ проходимцамъ, которые брались устроить эти покупки. А итальянскіе броненосцы передъ самой войной купила Японія. Даже тотъ русскій отрядъ, который въ 1903 году находился уже на пути на Дальній Востокъ, петербургское начальство нашло возможнымъ задержать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Средиземномъ морѣ для производства слѣдствія и суда надъ однимъ изъ командировъ. Въ то же время эскадра Тихаго океана была поставлена въ такъ-называемый вооруженный резервъ, т.-е. лишена была возможности выходить въ море, обучаться стрѣльбѣ и маневрированію. Все это было выраженіемъ той же самоувѣренной мысли, что—„пораженіе нашего флота не допускается“.

Я далекъ отъ мысли приписывать всѣ эти поступки злой волѣ тѣхъ или другихъ лицъ—къ тому же выясненіе этого и не входитъ въ задачу настоящаго очерка.

Я привожу всѣ эти случаи въ доказательство отсутствія *сознательнаго* отношенія къ значенію нашей морской силы въ грозившей намъ войнѣ и со стороны спеціалистовъ, и неумѣніе ихъ оцѣнить ея дѣйствительную пригодность для предстоявшей ей огромной важности и страшно отвѣтственной задачи.

Это была самоувѣренность не преступниковъ, а *невѣждъ*, самоувѣренность тѣмъ болѣе значитъ опасная.

Когда говорили: „пораженіе нашего флота не допускается“,—*не понимали*, что брали на себя этими словами всю отвѣтственность за исходъ войны, что при „пораженіи флота“ война неизбѣжно была проиграна.

Сущность дѣла въ томъ и состояла, что *и руководители флота клали всю свою надежду* во всякой войнѣ, которую пришлось бы вести Россіи, *на армію*, и не понимали, что именно флотъ, а въ особенности при войнѣ съ Японіей, могъ дать возможность арміи использовать всю ея мощь и обезсилить непріятельскую армію. Такое же непониманіе было и у правительства. Именно непониманіе допустило его легковѣрно отнестись къ увѣреніямъ морского вѣдомства о могуществѣ нашего флота и допустило объявленіе намъ Японіей войны.

Въ русск японской войнѣ вс въ сущнос надѣялис только н армію.

Продолжали не понимать и тогда, когда японцы внезапно напали на портъ-артурскую эскадру и ее ослабили. Все надѣялись, что—армія вывезетъ.

Только черезъ мѣсяцъ послѣ начала войны, а вѣрнѣе только послѣ безвременной гибели адмирала Макарова, начали думать о посылкѣ на Дальній Востокъ морскихъ подкрѣпленій и опять и къ этому дѣлу отнеслись безъ достаточной серіозности, и опять только потому, что не отдавали себѣ яснаго отчета въ значеніи флота въ этой войнѣ и клали все-таки всю свою надежду на армію.

Дѣйствительно, если бы существовало ясное сознаніе, что безъ владѣнія моремъ на театрѣ военныхъ дѣйствій эта война безповоротно проиграна, то рѣшеній могло быть только два: или снарядить такую морскую силу, которая была бы способна справиться съ японскимъ флотомъ, или заключить миръ. А для этого надо было снарядить *все*, что только можно было взять изъ балтійскаго флота, и добиться отъ Англіи, цѣною какихъ угодно уступокъ, разрѣшенія на выходъ черноморскаго флота, который въ то время представлялъ изъ себя дѣйствительно внушительную силу, не пожалѣть никакихъ денегъ на обильное снабженіе этой эскадры и на подготовку личнаго состава, пока снаряжались корабли. И если бы этого сдѣлать почему-либо было нельзя, или этого сдѣлать почему-либо не хотѣли, если,

Въ прод женіе русс японско войны въ н дый моме представ лось тол два выход или овлад моремъ, заключи миръ.

напримѣръ, нельзя было добиться отъ Англіи ея молчаливаго согласія на выходъ черноморскаго флота, или, если, по добросовѣстному подсчету, и всего этого все-таки было бы мало для одолѣнія японскаго флота, то *рѣшенія другого—какъ заключить миръ—быть не могло.* Но такъ какъ сознанія важности предпринимаемой мѣры не было ни у правительства, ни у руководителей морского вѣдомства, ни у военнаго вѣдомства тѣмъ болѣе,—то помирились съ тѣмъ, что начала снаряжаться только часть балтійскаго флота, и то скудно снабженная и не наилучшимъ образомъ укомплектованная личнымъ составомъ. И, вмѣсто заключенія мира, вторая эскадра ушла — слабая и неспособная выполнить ту задачу, которая на нее возлагалась.

Все надѣялись на армію, несмотря даже на Лаоянъ. Но тогда ужъ логичнѣе было не посылать никакихъ морскихъ подкрѣпленій, если надѣялись, что мира можно не заключать, такъ какъ армія можетъ справиться съ японцами. Слабыя же подкрѣпленія сущности дѣла не мѣняли.

Вскорѣ печать выяснила, что посланная эскадра слишкомъ слаба. Но печать не могла это сдѣлать съ достаточной полнотой, такъ какъ о недостаткахъ кораблей, запасовъ и личнаго состава говорить было нельзя—это было бы разоблаченіемъ военной тайны—и приходилось ограничиваться одними численными, всѣмъ извѣстными изъ морскихъ справочныхъ книжекъ подсчетами. Но и этого было достаточно, чтобы доказать, что вторая эскадра слаба, и что если она должна все-таки продолжать свой путь, то надо ее подкрѣпить всѣмъ, чѣмъ можно, а главное—*черноморскимъ флотомъ,* который только одинъ представлялъ изъ себя внушительную силу изъ всего того, что у насъ еще оставалось въ наличіи.

Въ это время произошли событія, которыя позволяли правительству и руководителямъ морского вѣдомства вновь серіозно пересмотрѣть вопросъ о возможности за-

владѣть моремъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Портъ-артурская эскадра была уничтожена послѣ взятія японцами Высокой горы и участь крѣпости была явно предрѣшена, и вторая эскадра, дойдя до Мадагаскара, была тамъ задержана недоразумѣніями съ нѣмецкой компаніей, поставлявшей уголь, и рѣшеніемъ вопроса о пріобрѣтеніи отряда чилійскихъ и аргентинскихъ судовъ.

И такъ какъ руководителямъ морского вѣдомства, а черезъ нихъ и правительству, могло быть совершенно яснымъ, насколько, въ особенности теперь, послѣ гибели портъ-артурской эскадры, непосильна второй эскадрѣ возложенная на нее задача, и притомъ имъ могли быть извѣстны *всѣ* слабыя стороны этой эскадры, о которыхъ печать говорить не могла, и имъ было извѣстно, что Англія не согласится на выходъ черноморскаго флота, и что она же не допуститъ покупки нами чилійскихъ и аргентинскихъ судовъ, то прямая обязанность ихъ была выяснить это волновавшемуся общественному мнѣнію и отозвать вторую эскадру, вслѣдствіе выяснившейся ея слабости и невозможности ее достаточно подкрѣпить, и вмѣстѣ съ тѣмъ начать переговоры о мирѣ, который до Мукдена еще можно было заключить на сравнительно выгодныхъ условіяхъ.

Но этого сдѣлано не было. Вмѣсто дѣйствительной поддержки второй эскадры, на которую указывала печать въ видѣ черноморскаго флота, съ доблестнымъ его начальникомъ адмираломъ Чухнинымъ во главѣ, былъ посланъ на Дальній Востокъ лишь небольшой отрядъ Небогатова, который очень мало усиливалъ вторую эскадру, и этой эскадрѣ было приказано продолжать свой путь.

Все это было не серіозно, дѣлалось въ полной растерянности, чтобы показать, что что-то дѣлается, потому что серіозно могъ быть рѣшенъ вопросъ только при сознаніи, что война проиграна, разъ исчезла надежда завладѣть моремъ.

Дальше пошло уже прятаніе головы въ песокъ. Не

вернули второй эскадры и отряда Небогатова и послѣ Мукдена и послѣ Шахэ—и дождались.... Цусимы.

Вотъ къ чему въ этой войнѣ была приведена Россія и ея армія изъ-за неимѣнія соотвѣтственной морской силы, и изъ-за непониманія ея значенія руководителями нашей внѣшней политики и руководителями какъ военнаго, такъ и морского вѣдомствъ.

И неужели и такой историческій опытъ пройдетъ для насъ даромъ. А на это похоже, ибо очевидно плохо сознаютъ и теперь, что безъ владѣнія моремъ, т. е. безъ большой морской силы, армія наша не можетъ одолѣть германскую. Иначе морская сила у насъ-бы уже была.

Японія создала тотъ флотъ, который доставилъ ей побѣду въ послѣдней войнѣ, въ 5 лѣтъ, послѣ занятія нами Портъ-Артура. И она создала его, не имѣя ни одного линейнаго корабля и большого крейсера, тогда какъ въ этотъ моментъ нашъ флотъ занималъ третье мѣсто среди флотовъ Европы и имѣлъ за собою 200-лѣтнюю исторію. Японія создала свой флотъ не имѣя ни одной верфи для постройки большихъ судовъ—ея флотъ, уничтожившій нашъ, *весь* (я говорю про большіе корабли) былъ выстроенъ за границей.

Вотъ какъ дѣлаютъ, когда дѣйствительно и остро ощущаютъ необходимость въ морской силѣ.

И вотъ послѣ нашей войны съ Японіей прошли тѣ-же 5 лѣтъ! И необходимость во флотѣ для насъ не меньшая чѣмъ была въ 1898 году для японцевъ...

Но вотъ *остроты сознанія* этого нѣтъ, и собственно къ возсозданію флота у насъ и не приступали, хотя Великій основатель нашего флота завѣщалъ намъ помнить, что „промедленіе времени смерти подобно“.

И неужели мы переживаемъ „смертную агонію“..... нашего могущества!

IV. Значеніе морской силы для Россіи, въ связи съ задачами ея внѣшней политики.

Взаимна связь стра гіи съ по. тикой.

Стратегія — это продолженіе политики съ оружіемъ въ рукахъ. Политика въ каждый данный моментъ соображается въ своихъ ходахъ съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ держитъ стратегія вооруженную силу, въ смыслѣ ея готовности выступить на томъ или на другомъ театрѣ войны.

Мы какъ разъ переживаемъ дѣятельный періодъ политики. „Свиданія“ и „соглашенія“ — явныя и тайныя неустанно ткутъ какую-то политическую паутину, и именно теперь стратегія должна особенно тѣсно идти рука объ руку съ политикой, должна въ каждый данный моментъ быть готова ее поддержать. И горе тѣмъ государствамъ, въ которыхъ забываютъ объ этомъ. Имъ грозитъ опасность, какъ беззаботно порхающимъ между паутинами мухамъ, запутаться въ какой-нибудь политической паутинѣ и поплатиться за это своею кровью.

Главна работа с тегіи в мирное вр

Не только въ большой публикѣ, но и въ военной средѣ иногда представляютъ себѣ, что стратегія — это нѣчто такое, что имѣетъ примѣненіе только во время войны — какія-то тамъ высшія соображенія въ головахъ полководцевъ и флотоводцевъ. На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ — *главная работа стратегіи протекаетъ въ мирное время* и заключается *въ подготовкѣ войны* — въ созданіи такихъ военныхъ средствъ и въ такомъ ихъ распредѣленіи, чтобы на нихъ крѣпко могла въ нужный моментъ опереться политика, которая и должна поэтому руководить стратегіей, соображаясь при своихъ разсчетахъ въ то же время съ тѣмъ, что дѣйствительно выполнила стратегія изъ поставленныхъ ей политикой задачъ.

Наша с тегія шл разрѣ съ внѣ полити

Именно объ этомъ мы и забыли въ періодъ передъ нашей войной съ Японіей. Политика наша была прямо враждебна и вызывающа по отношенію къ Японіи, съ Германіей мы въ то время дружили, а военныя сред-

ства мы готовили какъ разъ противъ Германіи, т.-е. главнымъ образомъ армію, расположивъ самую значительную ея часть на западной нашей границѣ. Всѣ военныя соображенія па сухомъ пути исходили въ то время у насъ изъ возможности войны съ Германіей. Потому, напр., мы не имѣли и горной артиллеріи, что для войны съ Германіей она была не нужна.

Даже кораблестроительная наша программа исходила изъ германскаго закона о флотѣ 1898 года. Къ сожалѣнію, не видно, чтобы и теперь наша стратегія сообразовалась съ политикой, и дѣло военной науки неустанно напоминать объ этомъ. Слишкомъ уже дорого мы поплатились за такую анархію!

…лѣдствія …ей внѣ…эй политики.

Чтобы составить себѣ представленіе—какое значеніе имѣетъ наша морская сила въ связи съ задачами внѣшней нашей политики, надо прежде всего формулировать себѣ эти задачи, и на основаніи этого изслѣдовать, въ какой мѣрѣ наша морская сила можетъ противодѣйствовать намѣреніямъ нашихъ враговъ и благопріятствовать нашей расцѣнкѣ какъ союзниковъ со стороны остальныхъ государствъ. Прежде всего возникаетъ вопросъ—съ кѣмъ изъ нашихъ сосѣдей, по ходу нашей внѣшней политики, легче всего можетъ у насъ дойти дѣло до вооруженнаго столкновенія? Если пристально всмотрѣться въ ходъ событій, увидѣть это очень легко.

Европейская политика складывается теперь около назрѣвающей неизбѣжной борьбы между Англіей и Германіей за преобладаніе на внѣевропейскихъ рынкахъ. Борьба эта въ мирное время идетъ уже давно, но теперь она явно идетъ къ рѣшительной развязкѣ.

Ни одна изъ великихъ державъ не могла остаться совершенно нейтральной къ этой надвигающейся борьбѣ, чтобы не возбудить сейчасъ же подозрѣніе, какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи, и обѣ онѣ, изъ осторожности, не упускали случая, чтобы ослабить такое подозрительное государство. Именно мы испытали на себѣ все неудобство такого положенія.

Дѣйствительно, нашъ союзъ съ Франціей не допускалъ нашего зачисленія въ германскій лагерь, но мы не вступали и въ какія-либо соглашенія съ Англіей, отъ которой въ то время далеко держалась и Франція. Германія, видя въ насъ своего возможнаго противника, толкнула насъ на дальне-восточную авантюру. Какъ разъ въ 1902 году, послѣ знаменитаго ревельскаго смотра, на которомъ мы всевозможными старательно подготовленными фокусами хотѣли показать нѣмцамъ, какой у насъ могущественный и хорошо выученный флотъ, императоръ Вильгельмъ, покидая русскія воды, сдѣлалъ свой знаменательный сигналъ — „адмиралъ Атлантическаго океана привѣтствуетъ адмирала Тихаго океана“. Этимъ онъ какъ бы предоставлялъ намъ дальневосточныя воды, требуя себѣ за то свободы въ водахъ окружающихъ Англію. При этомъ быть можетъ нѣмцы ловко воспользовались смотровымъ благополучіемъ нашего флота, которое увлекло насъ самихъ настолько, что мы провозгласили, что „пораженіе нашего флота на Дальнемъ Востокѣ не допускается“ (см. стр. 61), и хотя они, какъ обстоятельные люди и опытные моряки и видѣли очень хорошо, сколь эфемерно это благополучіе, потому что, правду сказать, оно было шито бѣлыми нитками, но намъ они, вѣроятно, говорили — какъ де вамъ съ такимъ чуднымъ флотомъ не завладѣть Тихимъ океаномъ! Дерзайте!“ Вотъ мы и дерзнули...

Вотъ мы и провозгласили, что „пораженіе нашего флота не допускается“, и когда маркизъ Ито явился къ намъ для заключенія соглашенія, то мы его высокомѣрно отвергли. А тогда это соглашеніе заключила Англія, и когда началась война съ Японіей, Англія съ своей стороны, способствовала нашему пораженію, объявивъ уже во время войны такія правила нейтралитета, которыя страшно стѣсняли движеніе нашихъ морскихъ силъ на театръ военныхъ дѣйствій, не выпустивъ нашъ черноморскій флотъ, прекративъ наши крейсерскія операціи, и помогая Японіи обильнымъ

подвозомъ боевыхъ припасовъ и исправленіемъ ея военныхъ судовъ. Если бы мы вошли въ соглашеніе съ Англіей не теперь, а на нѣсколько лѣтъ раньше—еще передъ войной съ Японіей, то ничего подобнаго бы не случилось, да не было бы, вѣроятно, и самой войны.

Теперь мы держимся болѣе опредѣленной политики—мы открыто примкнули къ Англіи. Но изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что Германія будетъ смотрѣть на насъ, какъ на явнаго своего врага, и такъ какъ стравить насъ съ Японіей теперь уже не такъ легко—этого можетъ не допустить Англія, то и надо быть готовымъ къ тому, что она воспользуется удобной политической обстановкой, когда вниманіе нашихъ союзниковъ будетъ чѣмъ-либо отвлечено, и бросится на насъ сама, чтобы разбить своихъ противниковъ, по частямъ. Къ этому стремится и политика ея послѣднихъ лѣтъ, не упуская ни одного случая, чтобы не унизить насъ тѣмъ или другимъ способомъ, и къ этому, навѣрно, готовится и ея стратегія, которая тѣсно идетъ рука объ руку съ ея политикой.

Но тогда, быть можетъ, мы напрасно присоединились къ англійской группѣ—лучше было бы обезопасить себя отъ грознаго сосѣда и стать на его сторону—вѣдь со стороны Англіи одиночнаго нападенія на насъ ожидать нельзя? Но какъ же тогда быть съ Франціей, и тогда Англія можетъ выпустить на насъ Японію, для которой полная беззащитность нашей Приморской области является прекраснымъ случаемъ, чтобы окончательно оттѣснить насъ отъ береговъ Тихаго океана! А приготовиться къ одиночной войнѣ съ Японіей намъ еще гораздо болѣе трудно, чѣмъ къ войнѣ съ Германіей, такъ какъ на Дальнемъ Востокѣ нѣтъ никакихъ военныхъ рессурсовъ въ видѣ заводовъ, кораблестроительныхъ верфей и т. п., а рѣдкое населеніе не въ состояніи продовольствовать значительную армію.

Поэтому выборъ мы сдѣлали правильный—намъ выгоднѣе примкнуть къ англійской группѣ. Но такое рѣ-

шеніе заставляетъ насъ быть готовымъ къ единоборству съ Германіей, и сдѣлать все, чтобы это единоборство было для нея обставлено такими трудностями, на преодолѣніе которыхъ нельзя рѣшиться съ легкимъ сердцемъ. Иначе пропадаетъ вся выгода принятаго нами направленія нашей политики, какъ для насъ — такъ какъ мы будемъ застигнуты Германіей врасплохъ, а также и для союзниковъ нашихъ — такъ какъ мы явимся ослабленными къ моменту рѣшительнаго ихъ столкновенія съ германской группой.

Наша стр тегія прод жаетъ ид въ разрѣ: съ полит кой.

Каковы же первые шаги нашей стратегіи послѣ установленія новаго направленія нашей политики? Это постройка Амурской желѣзной дороги и созданіе амурской рѣчной флотиліи, т.-е. подготовка къ войнѣ съ Японіей. А что предпринимаетъ наша стратегія на западномъ театрѣ войны? Упразднена Либавская крѣпость, поднятъ вопросъ объ упраздненіи цѣлаго ряда крѣпостей на западной границѣ, Балтійскій и Черноморскій флотъ продолжаютъ пребывать въ томъ состояніи, въ которомъ они были въ моментъ окончанія войны съ Японіей, а обостренность нашихъ отношеній съ поляками и финляндцами далеко не способствуетъ выгоднымъ условіямъ веденія войны съ Германіей.

Если бы мы отнеслись мягче къ полякамъ и съумѣли бы придти съ ними къ соглашенію—на какой огромный подъемъ духа мы могли бы разсчитывать въ населеніи Царства Польскаго при войнѣ съ безжалостной угнетательницей польскаго племени—Германіей, которая почувствовала бы отзвукъ этого подъема и у себя въ тылу—въ своихъ польскихъ провинціяхъ, а это непремѣнно отразилось бы на численности той части ея арміи, которая могла бы вторгнуться въ коренныя русскія губерніи и въ Прибалтійскій край. Русско-польскія отношенія—это главное препятствіе для объединенія славянскаго міра, которое сыгралобы большую роль при нашей войнѣ съ Германіей и Австріей. Съ

другой стороны, русско-финляндскія отношенія подготовляютъ для германцевъ готовый и имъ дружественный театръ войны бокъ о бокъ съ нашей столицей.

Такимъ образомъ, опять, какъ и передъ войной съ Японіей, стратегія наша идетъ въ разрѣзъ съ внѣшней политикой. Тогда мы дѣйствовали вызывающе по отношенію къ Японіи, и готовились къ войнѣ съ Германіей, а теперь мы направляемъ свою внѣшнюю политику такъ, что она неизбѣжно приводитъ насъ къ враждѣ съ Германіей, и огромныя средства затрачиваемъ на подготовку войны съ Японіей. Это признакъ зловѣщій.

Я не хочу этимъ сказать, что можно совсѣмъ забросить дальневосточный театръ войны, но хочу лишь выяснить, что у насъ нѣтъ твердаго направленія въ нашей стратегіи, которое совпадало бы съ направленіемъ нашей политики. При такомъ твердомъ направленіи никакъ нельзя рѣшиться бросить огромныя народныя деньги на очень сомнительное предпріятіе, на какое-то начало чего-то, что не опредѣлено и на доведеніе чего до конца нѣтъ основательной надежды. Именно такова Амурская желѣзная дорога, которая сама по себѣ, безъ огромныхъ затратъ на цѣлый рядъ другихъ предпріятій — крѣпостей, увеличенія численности содержимыхъ войскъ, заселенія совершенно пустыннаго края и т. п., пользы не принесетъ почти никакой и будетъ легко захвачена японцами, которые и используютъ ее для своихъ цѣлей.

...до готовиться къ борьбѣ съ главнымъ противникомъ.

И благоразуміе требуетъ готовиться къ борьбѣ именно съ главнымъ, болѣе вѣроятнымъ врагомъ и скрѣпя сердце положиться, что Англія, пока мы будемъ ей дѣйствительно полезны, какъ противникъ Германіи, — а для этого мы должны быть подготовлены для борьбы съ ней, — не позволитъ Японіи напасть на насъ. Могутъ сказать, что та же Англія не позволитъ на насъ напасть Германіи. Однако, на самомъ дѣлѣ это не такъ. На Японію, во-первыхъ, Англія можетъ воздѣйствовать

и какъ союзная держава, и, кромѣ того, Японіи, какъ островному государству, дѣйствительно нельзя ничего предпринять при противодѣйствіи государства, обладающаго огромной морской силой. Между тѣмъ германскую армію отъ вторженія въ Россію англичане непосредственно остановить не могутъ, да и въ отношеніи Германіи Англія занимаетъ положеніе стороны не наступательной, а обороняющейся, опасающейся вторженія той же германской арміи на свою коренную территорію, и тутъ ужъ легко можетъ случиться, что если Германія искусно выберетъ моментъ для начала войны, Англія можетъ остаться и простой зрительницей.

Мы долж... отнять о... Германі... возможно... легкихъ... быстрыхъ успѣховъ... войнѣ с... нами.

Итакъ, если наша стратегія хочетъ идти рука объ руку съ нашей внѣшней политикой,—а она должна это сдѣлать,—то ей надо принять всѣ мѣры, чтобы затруднить для Германіи возможность на насъ напасть. Я уже имѣлъ случай указывать, что Германіи не выгодно ввязываться въ длительную войну, рѣшительный моментъ которой наступитъ черезъ большой промежутокъ времени послѣ момента объявленія войны. За это время обстоятельства легко могутъ измѣниться—наши союзники могутъ поспѣть уладить свои дѣла и борьба обратится въ общеевропейскую, чего Германія будетъ избѣгать, поставивъ себѣ цѣлью поражать своихъ противниковъ по одиночкѣ. Въ особенности хорошо обезпечиваютъ отъ вмѣшательства другихъ державъ быстрые, оглушительные успѣхи. Нравственное впечатлѣніе такихъ успѣховъ огромно. Это самый лучшій моментъ для того, чтобы попробовать перетянуть на свою сторону и союзника своего противника, пообѣщавъ ему соотвѣтствующее вознагражденіе за невмѣшательство. Всѣ, собственно говоря, такъ боятся войны, что охотно готовы отдалить ее, тѣмъ болѣе если страдать отъ этого приходится не самому, а хотя бы и союзнику, въ особенности, если можно кое-что и сорвать съ врага за невмѣшательство, да и врагъ все-таки временно

слабѣетъ, хотя бы война и была для него удачной. Объ опасности въ будущемъ отъ такой политики стараются не думать, — ее видятъ немногіе, а въ общемъ въ своей массѣ общество и народъ склонны ко всякимъ компромиссамъ, въ особенности къ такимъ, которые не задѣваютъ чести націи, лишь бы отдалить войну. Переломить это стремленіе могутъ только стоящіе во главѣ народа, люди сильные, энергичные и талантливые, и такой человѣкъ въ Германіи имѣется — ея императоръ. Онъ ясно предвидитъ необходимость вступить въ вооруженную борьбу съ Англіей, онъ не упуститъ случая ее ослабить, выводя изъ строя ея союзниковъ, и онъ сумѣетъ сдѣлать цѣль войны понятной своему народу.

Итакъ, Германіи, при нападеніи на насъ, нужна быстро протекающая кампанія съ рѣшительными успѣхами въ самомъ ея началѣ. Я уже старался въ своемъ мѣстѣ (см. II-ю главу) выяснить, что сдѣлать она это можетъ только съ помощью господства на Балтійскомъ морѣ и его заливахъ, и тѣмъ, кому то вѣдать надлежитъ, очень хорошо извѣстно, что нѣмцы энергично готовятся именно къ такому способу дѣйствій. Кстати здѣсь можно напомнить фактъ, что годъ тому назадъ, за новогоднимъ ужиномъ у императора Вильгельма была прочитана статья одного изъ приближенныхъ къ нему лицъ, а быть можетъ и принадлежащая его собственному перу, трактующая о необходимости для Германіи прибѣгнуть въ войнѣ со своими противниками къ внезапному, оглушительному удару, даже безъ объявленія войны (см. стр. 40).

И вотъ мы должны отнять у нѣмцевъ возможность такой выгодной для нихъ кампаніи, если мы хотимъ оградить себя отъ внезапнаго ихъ нападенія, и чѣмъ такая кампанія для нѣмцевъ будетъ невозможнѣе, тѣмъ больше будутъ насъ цѣнить и наши союзники, такъ какъ тѣмъ меньше будетъ вѣроятность, что мы будемъ принуждены отпасть отъ союза, или будемъ значительно

ослаблены къ моменту рѣшительной схватки Германіи съ Англіей.

Наша пол
тика выну
даетъ на
имѣть фло
равносильн
германском

А значитъ мы должны имѣть флотъ, способный вступить въ борьбу съ германскимъ флотомъ за обладаніе водами Балтійскаго моря.

Такой флотъ въ значительной мѣрѣ подниметъ цѣнность нашу какъ союзника и для Англіи, и для Франціи, въ случаѣ войны Германіи съ этими государствами. Англія теперь тянется изо всѣхъ силъ, чтобы не допустить германцевъ имѣть большее число новѣйшихъ кораблей, чѣмъ у нея. При нашемъ флотѣ—равносильномъ германскому—эта опасность для Англіи будетъ устранена, и она можетъ отдѣлить достаточную часть своего флота и для удержанія Японіи отъ нападенія на насъ, если бы нѣмцамъ и удалось ее на насъ натравить. А попытки къ этому, какъ извѣстно, дѣлаются, и даже Австрія заигрываетъ съ японцами. А не будетъ у насъ сильнаго флота въ Европѣ, англичанамъ нельзя будетъ отдѣлить на Дальній Востокъ достаточныхъ силъ. Персиваль Хисламъ въ уже цитированной мною книгѣ „Господство на Атлантическомъ океанѣ“, которую слѣдовало бы прочитать каждому русскому человѣку, интересующемуся вопросами внѣшней политики въ связи съ военнымъ дѣломъ, доказываетъ, что если Германіи удастся натравить на Англію Японію, Англія должна или помириться съ потерей своихъ колоній въ Тихомъ океанѣ, или подвергнуться германскому нашествію.

Такимъ образомъ нашъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ, равносильный германскому, въ извѣстной мѣрѣ обезпечиваетъ насъ и отъ нападенія Японіи.

Въ случаѣ войны Германіи съ Франціей, нашъ флотъ окажетъ огромную услугу нашей союзницѣ, такъ какъ воспрепятствуетъ германскому флоту помогать своей арміи, и не дастъ ему возможности заблокировать французскіе берега и прекратить французскую морскую торговлю. Французскому флоту одному не справиться съ

этими задачами, такъ какъ французы не могутъ увести всѣ свои морскія силы изъ Средиземнаго моря, гдѣ и находится постоянно болѣе значительная часть этихъ силъ, и въ случаѣ борьбы двойственнаго союза съ тройственнымъ весь французскій флотъ будетъ занятъ въ Средиземномъ морѣ.

Такимъ образомъ флотъ, равносильный съ германскимъ въ значительной мѣрѣ обезсилитъ непріятельскую армію, въ случаѣ нашего единоборства съ Германіей и Австріей и принудитъ ихъ къ невыгодному для нихъ плану военныхъ дѣйствій, и онъ же является чрезвычайно цѣнной силой для нашихъ союзниковъ, такъ какъ только при его помощи они могутъ выступить совмѣстно съ нами на равныхъ условіяхъ противъ враждебной группы государствъ. Единственно къ чему мало пригоденъ сильный нашъ флотъ въ Европѣ — это къ непосредственному воздѣйствію на Японію, но и то лишь—при *недружественномъ* намъ нейтралитетѣ Англіи.

ѣъ морской
лы теперь
ѣзя имѣть
ідежныхъ
юзниковъ.

Истинную правду сказалъ принцъ Гогенглоэ, намѣстникъ Эльзаса и Лотарингіи на спускѣ броненосца „Данцигъ“: „Германскій народъ долженъ придти къ убѣжденію, что сильный флотъ необходимъ; *безъ флота въ наше время нельзя удержаться въ положеніи великой державы и страна не можетъ пріобрѣсти надежныхъ союзниковъ*“..

Цѣнность
союзовъ.

Но главная сущность—и это надо хорошо помнить—не въ союзникахъ, а въ собственной мощи, которая даетъ готовность вести войну въ благопріятныхъ условіяхъ одинъ на одинъ. Это въ особенности цѣнится и союзниками, дѣлаетъ союзъ крѣпче и страхуетъ отъ всякихъ сюрпризовъ со стороны союзниковъ. А къ такимъ сюрпризамъ надо все время быть готовымъ.

Мы, русскіе, вообще мечтатели, въ насъ сидитъ очень много сантиментализма, и политическаго не меньше, чѣмъ другого, и мы въ особенности склонны увлекаться прочностью нашихъ союзовъ.

Исторія самымъ суровымъ образомъ разрушаетъ такіе воздушные замки и мечты, и сантиментальность во внѣшней политикѣ представляютъ значительную опасность.

Прочность союзовъ зиждется только на взаимной выгодѣ союзниковъ, которую они могутъ дать другъ другу, и кто исходитъ изъ другой точки зрѣнія, готовитъ себѣ жестокое разочарованіе.

Притомъ союзы, по самой своей сущности, имѣютъ отрицательныя стороны, о которыхъ часто забываютъ.

И разъ стратегія такъ тѣсно связана съ политикой, не мѣшаетъ напомнить тотъ взглядъ, который выработался въ военной наукѣ на союзы, на которые у насъ многіе надѣятся, какъ на средство, обезпечивающее насъ, напримѣръ, отъ единоборства съ Германіей.

Стратегі союзах

„Конечно, всѣ союзники желаютъ побѣды", говоритъ профессоръ стратегіи генералъ Михневичъ [1]), „но каждый изъ нихъ старается взвалить на плечи другого наиболѣе трудную работу и на конечный результатъ борьбы смотрятъ различно: одному, напримѣръ, желателенъ полный разгромъ противника; другой же склоненъ только ослабить его временно, чтобы вынудить его на уступки, но вполнѣ заинтересованъ въ сохраненіи его на будущее... Иногда придется отказаться отъ слишкомъ смѣлаго предпріятія, чтобы не отшатнуть союзника, въ другой разъ придется торопиться дѣйствіями, чтобы удержать его за собой; иногда приходится отказаться отъ военнаго успѣха, чтобы избѣжать зависти... При борьбѣ противъ коалиціи слѣдуетъ искать слабыхъ ея сторонъ какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи, и туда направить свои удары". Я не цитирую другихъ писателей по стратегіи потому, что сущность ихъ взглядовъ на союзы та же самая.

Это не значитъ, что военная наука не признаетъ союзовъ. Совсѣмъ нѣтъ. Но, опираясь на исторію войнъ,

[1]) Стратегія. Томъ I, стр. 47.

она только предостерегаетъ противъ того, чтобы слишкомъ надѣяться на союзы, и указываетъ на ихъ слабыя стороны.

Въ томъ желѣзномъ кольцѣ, которымъ считаетъ себя окруженной Германія, и о которомъ при всякомъ удобномъ случаѣ говоритъ ея императоръ, она, конечно, ищетъ слабую часть этого кольца, какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи, чтобы туда направить свой ударъ, и для насъ окажется очень невыгоднымъ, если этимъ слабымъ мѣстомъ окажемся именно мы, и именно благодаря нашей слабости на морѣ.

Насколько эфемерны надежды на союзниковъ, когда не задѣваются непосредственно ихъ прямые интересы, мы имѣли случай убѣдиться годъ тому назадъ. Когда мы сдѣлали попытку заставить Австрію отказаться отъ анексіи и защитить Сербію, Германія сейчасъ же совершенно опредѣленно дала понять, что она станетъ на сторону Австріи, а наши союзники ограничились лишь платоническимъ сочувствіемъ. И намъ пришлось уступить. Вообще въ настоящее время какъ-то принято считать, что интересы всѣхъ значительныхъ по величинѣ государствъ, благодаря облегченнымъ сношеніямъ и развитію торговли, такъ переплелись между собой, и притомъ такъ много накопилось въ нихъ горючаго матеріала изъ за соперничества въ торговлѣ, а также столь непосильны для нихъ все увеличивающіеся расходы на вооруженія, что стоитъ только ввязаться въ войну кому-нибудь одному, какъ и всѣмъ остальнымъ придется принять въ ней участіе. Эти опасенія какъ бы находили себѣ подтвержденіе въ многочисленныхъ комбинаціяхъ различныхъ союзныхъ договоровъ и соглашеній, которые всѣ, хотя и преслѣдовали повидимому самыя мирныя цѣли, на самомъ дѣлѣ, или содержали въ дѣйствительности, или подозрѣвалось, что они содержали, различныя секретныя статьи, трактующія о взаимныхъ обязанностяхъ договаривающихся сторонъ, въ случаѣ вовлеченія одной изъ нихъ въ войну.

Однако дѣйствительность ни разу страховъ этихъ не оправдала. Въ послѣднее время оченъ часто война возникала въ различныхъ концахъ земного шара и ни разу въ дѣло не вмѣшивалась активно третья держава. И мнѣ думается, что вѣроятнѣе всего такъ будетъ въ большинствѣ случаевъ и впредь. И просто оттого, что воевать никому не сладко, а тѣмъ болѣе воевать изъ за чужихъ интересовъ, каковыми все-таки въ концѣ концовъ являются интересы союзника.

Конечно поручиться, что именно такъ будетъ, никто не можетъ, а потому соединенiе государствъ въ союзныя группы приноситъ несомнѣнную пользу дѣлу общаго мира, заставляя отдѣльныя государства нападать на другiя только въ исключительно важныхъ случаяхъ.

Но, когда такое рѣшенiе созрѣетъ—благоразумнѣе надѣяться исключительно на свои силы, какъ нападающему, такъ и обороняющемуся, и разсчитывать на союзниковъ только въ смыслѣ болѣе или менѣе благожелательнаго нейтралитета.

Вѣдь союзы и соглашенiя заключаются именно для того, чтобы застраховать *себя* отъ войны, а отнюдь не изъ за сочувствiя къ интересамъ союзника. А этотъ результатъ въ достаточной мѣрѣ будетъ достигнутъ, если противникъ вступитъ въ единоборство съ союзникомъ, ибо даже въ случаѣ побѣды перваго, онъ будетъ настолько ослабленъ въ военномъ и финансовомъ отношенiи, что на значительный промежутокъ времени онъ сдѣлается безопаснымъ, и даже можетъ кое-что и уступить, чтобы его только временно оставили въ покоѣ.

Возможно, что напр. Англiя и пальцемъ не шевельнетъ, если обстоятельства сложатся такъ, что Германiя будетъ воевать съ Францiей, ибо тогда ея цѣль будетъ достигнута безъ всякихъ матерiальныхъ затратъ и безъ пролитiя англiйской крови. Германскiй и французскiй флотъ взаимно освободятъ другъ друга отъ половины своихъ кораблей, финансы Германiи

будутъ истощены, и морская ея торговля значительно пострадаетъ отъ крейсерской войны, къ которой несомнѣнно прибѣгнутъ французы. Можетъ быть такъ поступитъ и Францiя, если Германiя нападетъ на Россiю, ибо главная цѣль ея—ослабленiе германской военной силы и истощенiе германскихъ финансовъ, чтобы обезопасить себя на извѣстное время отъ Германiи—будетъ достигнута.

У насъ не мало сѣтовали на Францiю, когда она намъ посовѣтовала уступить въ нашемъ спорѣ съ Австрiей по поводу „анексiи“. Но развѣ мы сами не поступили точно также, когда разыгрался знаменитый инцидентъ при Фашодѣ.

Будемъ скорѣе благодарны французамъ за то, что они отрезвили насъ отъ нашихъ мечтанiй. Нѣтъ ничего опаснѣе мечтанiй и увлеченiй въ политикѣ.

Хорошо, если урокъ пойдетъ намъ въ прокъ. А то вѣдь можетъ случиться, что, разочаровавшись во Францiи—и совершенно напрасно, ибо другого и ожидать было нельзя,—мы начнемъ возлагать чрезмѣрныя надежды на Англiю.

А на это похоже.

Я считаю себя горячимъ поклонникомъ союза съ Англiей, но не устану повторять, что именно это соглашенiе съ Англiей ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ Германiей, и горе намъ будетъ если мы будемъ мечтать, что Англiя не допуститъ Германiю на насъ обрушиться, когда тому приспѣетъ время.

Только наша готовность къ единоборству съ Германiей, а эта готовность въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ наличiя у насъ сильнаго флота, можетъ обезпечить насъ отъ новаго униженiя. Англiи гораздо выгоднѣе, чтобы Германiя истощила свои силы въ борьбѣ съ нами, чѣмъ вести съ ней войну. Это прекрасно понимаютъ и *нѣмцы* и поэтому *нападутъ на насъ только въ томъ случаѣ, если будутъ разсчитывать на очень легкую побѣду.* Мы же должны сдѣлать все, чтобы не давать имъ основанiй для такого разсчета.

Что-же касается до надежды на Англію, то на этотъ счетъ насъ должна отрезвить исторія. Англійскія традиціи по отношенію къ союзамъ выступятъ при изученіи исторіи съ полной наглядностью.

Я не буду приводить по этому поводу мнѣній историковъ не-англичанъ. Они могутъ быть пристрастны, называя Альбіонъ „коварнымъ", хотя, собственно, при чемъ „коварство", когда говорятъ о политикѣ?

А вотъ посмотримъ, что говорятъ сами англичане о традиціяхъ своей политики.

Есть книга, у насъ очень мало извѣстная, но пользующаяся въ Англіи большимъ уваженіемъ. Это „The Navy and the Nation". Авторы ея Lient. Col. Sir George Clarke и James K. Thursfield—говорятъ: „ни одно государство (кромѣ Англіи) не выказывало такой настойчивости въ преслѣдованіи разъ поставленной цѣли. Союзники отпадали, разъ они считали, что временные ихъ интересы требовали мира или перехода на сторону противника. Англія же твердо стояла за то дѣло, изъ за котораго ей приходилось взяться за оружіе. *Въ этой удивительной настойчивости не было однако и слѣда погони за какими либо отвлеченными идеалами.* Пресловутое политическое равновѣсіе являлось не болѣе, какъ *предлогомъ* для дѣйствій, и слова служили лишь къ тому, къ чему вообще слова и могутъ только служить; а просто въ это время Англія вступила на путь колоніальнаго расширенія, и въ этомъ и лежали всѣ *дѣйствительныя причины* ея дѣйствій, какими бы мотивами они ни вызывались. *Каковы-бы ни были видимыя наши дѣйствія, настоящая цѣль была — уничтоженіе нашихъ противниковъ на морѣ.* Именно потому нашими главными врагами поочередно являлись Голландія, Испанія и Франція (морскія государства), а *случайными* союзниками—Пруссія, Австрія и Россія".

Этой послѣдней фразы намъ забывать не слѣдуетъ. Намъ всегда надо помнить, что каждый разъ, какъ возникала у насъ морская сила, Англія стремилась къ ея

уничтоженію и всегда чужими руками. Два раза ей удалось это блестящимъ образомъ—въ 1855 и 1905 годахъ.

Теперь на морѣ ей угрожаетъ Германія и, чтобы сломить Германію, мы съ Франціей призваны въ *очередные* союзники... Наше вознагражденіе за это— сравнительная временная безопасность со стороны Японіи. А потому не будемъ питать опасныхъ иллюзій и не будемъ и обвинять въ чемъ-либо нашихъ союзниковъ, и на нихъ излишне надѣяться.

...инственно ...цежный и ...ѣйстви- ...ьно необ- ...одимый ...озъ—это ...диненіе ...рміи съ ...лотомъ.

Но говоря о ненадежности союзовъ, я не упомянулъ объ одномъ изъ нихъ. Существуютъ и на войнѣ союзники естественные, нераздѣльные и вѣчные, и которымъ разойтись нельзя будетъ никогда. Это армія и флотъ того же государства. И вотъ, вмѣсто того, чтобы надѣяться на союзы съ другими державами, приложимъ всѣ усилія, чтобы именно эти союзники были у насъ достойны другъ друга, чтобы одинъ могъ надежно поддерживать другого. А для того оба должны быть сильны, должны другъ другу вѣрить и другъ на друга надѣяться, а не идти въ разбродъ, какъ это сплошь и рядомъ происходитъ теперь. Это будетъ могучая подготовка для единоборства съ любыми изъ нашихъ возможныхъ враговъ, и тогда крѣпче и надежнѣе будутъ и связи наши съ нашими союзниками, которые, повѣрьте, очень хорошо видятъ и цѣнятъ только настоящую силу.

Такъ ужъ повелось, что каждое сообщеніе о флотѣ либо начинается, либо заканчивается словами Петра о томъ, что потентатъ только сухопутную силу имѣющій, только одну руку имѣетъ, а армію и флотъ имѣющій,— обѣ руки имѣетъ. Морскіе лекторы порядочно истрепали это изреченіе... Но что-жъ подѣлаешь, именно морскимъ лекторамъ, въ противуположность сухопутнымъ, надо не только разсказывать о флотѣ, но еще и *защищать его право на существованіе.*

Но отъ этого изреченіе Великаго Петра не стало менѣе вѣрнымъ, а потому и я не могъ избѣгнуть того,

чтобы не привести это выраженіе. Но у меня тутъ была еще мысль—отмѣтить, что мы, къ сожалѣнію, не столь слѣдуемъ завѣту Петра, сколь завѣту евангельскому, хотя и болѣе высокому, но едва-ли для этой цѣли предназначавшемуся, а именно—да не знаетъ правая рука (потентата) о томъ, что творитъ лѣвая.

Вотъ при такихъ условіяхъ мы будемъ всегда слабы.

Вамъ необходимо проникнуться мыслью, что только съ помощью флота вы можете использовать всю свою мощь, что только съ помощью флота вы можете спокойно развивать эту мощь, а намъ—надо крѣпко помнить, что только для обезпеченія мощи арміи и существуетъ флотъ.... И вотъ тогда, когда мы поставимъ себѣ идеаломъ Великаго Петра, въ которомъ сухопутный военный крѣпко слился съ морякомъ, только тогда дѣло у насъ пойдетъ на ладъ.

Такъ пожелаемъ-же *вмѣстѣ*, чтобы мысль эта свила себѣ крѣпкое гнѣздо въ толщѣ нашей арміи.... Именно вамъ легче всего быть проводниками этой мысли въ толщу арміи, избранными представителями которой вы являетесь, а заронить искру, зажечь эту мысль, раздуть ее въ яркое пламя, которое охватило-бы всю армію—это... не дѣло мое, не роль—я чувствую свое безсиліе—но завѣтная мечта.... Мечта не на пользу флота, а на пользу страны.

Полковникъ *Н. Кладо.*

10 апрѣля 1910 г.

